
18+
Кира Люэр
ПСИХИАТРИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
407
Моя
СЛОМАННАЯ
МЕЧТА
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Кира Люэр

Моя сломанная мечта

Серия «Игры снов», книга 3

https://litres.ru/73101008
SelfPub; 2026

Аннотация

Он — бывший боксёр.

Не просто спортсмен — настоящая машина для убийств. Его тело не чувствует боли, не пропускает ни одного удара, не знает поражения.

Она — дочь олигарха. Её мир слишком идеальный, чтобы видеть в нём ложь и предательство.

Он впервые увидел её в толпе зала и пропал...

Пропустил удар. Проиграл бой.

Но не сдался и начал жизнь с нуля.

Теперь он серьёзный мужчина. Решает проблемы больших дядей. Тихо, жёстко, без капли жалости и сочувствия.

А она лежит на больничной койке и пытается собрать себя по осколкам, как мозаику, в которой не хватает частей. Мечтает начать жизнь заново, но прошлое не отпускает.

Что может быть общего у этих двоих?

Ничего... Если бы не новый заказ.

Не ради денег. Ради мести.

Теперь ему нужно найти и наказать тех, кто сломал его мечту.

Потому что она — и есть его мечта.

И в этом бою он не пропустит ни одного удара.

Третья книга серии «Игры снов»

Книга содержит сцены насилия. Впечатлительным рекомендуется пропустить эти главы.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	38
Глава 6	44
Глава 7	51
Глава 8	70
Глава 9	90
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Кира Люэр
Моя сломанная мечта

Глава 1

Роман

Голова гудит, будто меня переехал самосвал. Боль пронзает затылок и стекает по позвоночнику, как раскалённый металл. Кажется, что при любом движении извилины в мозгу шевелятся, и адские спазмы расходятся по телу.

Пытаюсь перевернуться. Просто — набок… но тело словно сковано ржавыми цепями. Ощущение, что суставы напитаны кислотой, приходится собирать себя по крупицам и прилагать огромные усилия для осуществления элементарных действий.

Хорошо хоть до туалета теперь своими ногами хожу. Правда, каждый шаг — это проход в ад через боль и страдания. Благо у меня отдельная палата со всеми удобствами и нет необходимости пилить в конец коридора, как это делают большинство пациентов.

Собрав последние силы, поворачиваюсь, опираясь на локоть. Пытаюсь сесть на кровать, чтобы попить воды. Получается только с третьего раза. Руки не слушаются. Кое-как беру стакан с прикроватной тумбы, но донести до рта не успе-

ваю. Силы на пределе. Рука предательски дрожит, и стакан с противным звоном разбивается об пол.

Шестой раз за последние три дня...

Сейчас опять прибежит эта бешеная санитарка и начнёт гундеть, что мне нельзя вставать и нарушать постельный режим. Будет причитать о том, как важно жать кнопочки и при любом чихе звать медперсонал. А на какой чёрт мне здесь весь этот цирк?

Ходят вокруг меня, переглядываются, бросают сочувствующие взгляды, шепчутся под палатой, думают, что я не слышу.

А я слышу всё!

Им лишь бы косточки кому-то перемывать. А тут такой повод подвернулся. Буквально новость месяца: «Чемпион России просрал свой титул из-за того, что отвлёкся на публику».

Бесит!

Не нужно мне ни жалости, ни сочувствия!

Поворачиваю голову в сторону двери, и опять боль простреливает по всему позвоночнику. Нехилый всё-таки у этого засранца удар. В прошлые бои у него ни разу не получилось меня нормально приложить.

Танк — откровенно слабый боец. Мешает взрывной темперамент. Или мы просто слишком разные. Он всегда идёт в активную: резкие рубящие удары, ноги словно пружины, корпусом вертит так, будто у него вообще нет позвоночника,

но при таких данных абсолютно забывает про защиту. Да и выдыхается слишком быстро.

Наши предыдущие бои заканчивались тем, что он просто изматывался в первом раунде, а уже во втором начинал пропускать один удар за другим.

Как он вообще дошёл до финальной битвы?

Поговаривают, что полуфинал откровенно слили. Сопернику хорошо заплатили, чтобы тот лёг после второго раунда.

Может, это и правда...

Кто знает…

Вчера опять спонсоры звонили, телефон не замолкает. Пытаются разорвать действующие контракты, оно и понятно, никому не нужен проигравший. То, что я три года был чемпионом страны, теперь никого не волнует. Теперь им нужен новый победитель — герой сегодняшнего дня, а не боец второго сорта. Менеджер пытается оперировать условиями досрочного расторжения и выбить хоть какие-то отступные, но выходит пока не особо.

Надо было разбираться в юридической части и слушать, что советуют, но я тогда не хотел вникать. Просто ставил подпись — уверенно, быстро, иной раз даже с пренебрежением. Меня никогда не смущало, что почти во всех контрактах стояло одно условие:

«Договор действует до тех пор, пока вторая сторона имеет чемпионский титул».

В тот момент такая формулировка казалось каким-то аб-

сурдом, я даже не задумывался об этом. Был уверен, что на ринге мне нет равных. Выходит... зря.

Да и сейчас...

Если бы не эта девушка, чемпионский пояс лежал бы у меня дома, а я отмечал очередную победу в каком-нибудь пафосном клубешнике. Но взгляд упал на неё в первом же раунде, и всё пошло наперекосяк.

За всю карьеру я всего три раза был в нокауте, и то, уже не помню, сколько лет с тех пор прошло. Был ещё совсем мальчишкой: зелёный, горячий, без тормозов. Всё время куда-то торопился, дрался на эмоциях, не умел контролировать и выжидать, не чувствовал соперника. Сейчас всё иначе.

Холодный расчёт и взрывная скорость. Выверенный джеб, чтобы сбить темп. Следом — хлёсткий левый хук в корпус, соперник рефлекторно опускает локти. И тут же — сокрушительный кросс точно в подбородок. Чистый нокаут, противник без сознания на ринге.

Прикрываю глаза.

Боль в висках немного отпускает. В памяти всплывают её черты…

Нежная смуглая кожа, светлые волосы, глаза цвета молочного шоколада, пухлые пунцовые губы и родинка на щеке, чуть выше губы...

Никогда не видел никого прекраснее этой незнакомки.

Фигуру не смог рассмотреть. На девушке была свободная толстовка с капюшоном и широкие джинсы, но уверен на все

сто, что и там всё отлично.

Как этот ангел оказался около ринга? В месте, где идут жестокие бои... Где мужчины буквально убивают друг друга ради титула и славы.

Никогда не забуду этот испуганный, пронзительный взгляд. Зачем идти на бокс, если вздрагиваешь от каждого удара бойцов?

Не понимаю я этих женщин.

По стечению обстоятельств именно эта прекрасная особа стала причиной моего промаха. Засмотрелся, отвлёкся на девчонку, которая вскрикнула и закрыла лицо руками, когда я нанёс очередной удар сопернику. До сих пор не понимаю, как я смог услышать её в огромном зале с тысячной аудиторией. И уж тем более, зачем я повернулся на этот голос. Отвлёкся на какие-то доли секунды, но Танку этого хватило, чтобы нанести два ответных удара и вырубить меня. По итогу уже вторую неделю валяюсь в больнице.

Первые шесть дней всё было хорошо, их я просто не помню, лежал без сознания в реанимации. После — белый потолок палаты. Подумал, что какой-то хреновый у меня свет в конце туннеля: краска отваливается, ржавые потёки, паук сидит в углу. Не сразу сообразил, где я. Но медсестра быстро среагировала, всадила такой болючий укол, что я мгновенно осознал, что слишком рано себя хороню. Мне ещё долго мучится на этом свете.

Пока лежал в городской больнице, боль в голове не так

ощущалась, но когда меня перевели в другую клинику и положили в отдельную палату, снизив количество обезболов, то накрыло конкретно. Даже глаза открывать больно.

Лицо своё ещё не видел, всё в повязках. Врач говорит, что пока не стоит смотреться в зеркало. Не сильно-то и хотелось. По ощущениям гематома по всей левой стороне и правая бровь явно пострадала.

Есть тоже нормально не могу, только через трубочку.

А так хочется мяса…

С удовольствием бы сейчас вкинул в себя сочный рибай из мраморной говядины средней прожарки и жареной картошки с лучком… Но пока это только мечты.

Супы, пюре, каши и йогурты через трубочку — вот моё питание на ближайшие дни.

Врач говорит, что мне ещё несколько недель здесь чалиться. Открытая черепно-мозговая травма, отёк мозга, сломанная челюсть, рваные раны на лице — это только то, что запомнило моё воспалённое сознание.

Спрашивал про сроки восстановления, но доктор как-то расплывчато ответил. Мягко намекнул, что мне бы последствия этих травм пережить, а не искать новые приключения на свою больную задницу.

Всё это на самом деле очень хреново. Я всю жизнь посвятил спорту, универ физкультурный окончил. Если уходить с ринга, то только в тренеры, либо свою школу открывать. Больше вариантов не вижу.

Как я понял, перспективы на моё полное восстановление очень смутные. Минимум год-два, если никакой побочки не вылезет. Это слишком долго. Нужно всё это время чем-то заниматься, на что-то жить. А жить я привык на широкую ногу: клубы, девки, алкоголь...

Рекламные контракты помогли мне заработать неплохой капитал. Один договор с крупной сетью фитнес-центров приносил по три миллиона в месяц, не говоря уже о спортивных брендах и рекламе мужского нижнего белья. Не хотелось бы просадить все заработанные бабки за пару лет реабилитации и остаться с голой жопой.

Выйду из больнички, съезжу к матери в родной город. Она там уже с ума сходит. Видела мой бой. Порывалась приехать, да сестра не пустила. Не нужно ей смотреть на поломанного сына с перемотанным лицом.

Этот момент мы с Алёнкой обговаривали ещё в начале моей карьеры. Что бы ни случилось, маму в больницу не пускать. Только если при смерти буду. А то в первый мой нокаут мама приехала в больницу и откуда же укатила на скорой с микроинсультом.

Не нужны нам такие жертвы.

Вот лицо подзаживёт, голову отпустит, мозги на место встанут и устрою себе долгожданный отпуск, съезжу к родным. Там и обдумаю, что дальше делать и как жить.

Слышу шаги по коридору.

Ага, а вот и санитарка идёт убирать разбитую посуду…

Глава 2

Роман. 8 лет спустя

Сижу в кабинете главврача местной клиники. Захотелось узнать подробнее про ту гадость, которой травят сейчас молодых девчонок. К сожалению, не только их, как выяснилось недавно. За последнее время уже третий случай.

Впервые столкнулся с «ночной розой» полгода назад. Тогда этой дурью накачали девушку моего близкого друга. А вскоре после этого сын одного из местных бизнесменов где-то нажрался той же дряни. В сеть попало видео, как он отжигает под наркотой в бане с пятью проститутками. Две недели этих шалав искали, чтобы выйти на заказчика. И всё это как раз накануне назначения на серьёзную должность в мэрии.

Парень, разумеется, место не получил, несмотря на все бабки, которые его отец влил в продвижение сыночка по карьерной лестнице.

Сегодня приходил ещё один представитель местной элиты. Очередная мажорка «пережрала» в клубе, и папочка ищет виновных — тех, кто посмел залезть его «невинной» дочке под юбку.

Заказ отказался брать. Даже не хочу связываться с этим дерьмом. Сейчас уже могу позволить себе браться лишь за те дела, которые мне самому интересны и важны.

Хотелось бы просто понять, что за дрянь гуляет в нашем

городе.

Мало ли... Информация может пригодиться.

Приходится ждать. Медсестра сказала, что главврач на внеплановом осмотре у тяжелой пациентки и может задержаться. Николай Викторович редко принимает «простых смертных». По специфике его работы легких подопечных у него просто не бывает

Неврология, психиатрия и токсикология — три его основных направления. Доктор не только заведует больницей, он бывший профессор научно-клинического центра токсикологии, один из ведущих специалистов в стране. Его мнению можно доверять без оговорок.

Слышу в коридоре шум и быстрый топот. Звук колес от каталки режет слух. Несколько минут сижу на месте, но любопытство берет верх, и я выглядываю из приемной.

Сразу не могу разобрать, что происходит. Вижу толпу людей в белых халатах, суетящихся вокруг передвижной кровати, на которой, судя по тонким лодыжкам, лежит девушка.

Николая Викторовича идентифицирую мгновенно.

Серьезный мужчина с бородой, лет пятидесяти пяти, на ходу раздает указания. Просит срочно принести какую-то капельницу в палату к Каримовой и лекарство — название я не разобрал, да и ни к чему мне это. Две медсестры убегают в процедурную, а санитары подхватывают каталку и на скорости везут её по коридору.

В тот момент, когда пациентку провозят мимо, я ощущаю,

как проваливаюсь в ледяную воду. Головой понимаю, что не сдвинулся с места ни на сантиметр, но по спине электрическими импульсами пробегает крупная дрожь. Глаза застилает пелена. Я не могу пошевелиться, взглядом провожая процессию.

Я узнаю это лицо…

Только сейчас оно бледно-серое, с желтоватым оттенком. Глаза закрыты, губы плотно сжаты, мышцы лица напряжены, волосы разметались — девушку бьет мелкая дрожь. Похоже на эпилептический припадок или что-то подобное, явно неврологическое.

Доктор проходит быстрым шагом, не останавливаясь. Коротко здоровается и на ходу просит подождать еще двадцать минут. Киваю в ответ, хотя сам готов броситься за ним. Мозг берет верх над эмоциями, и я возвращаюсь в кабинет. Помочь сейчас точно не смогу, а вот помешать — вполне.

Неужели это она?

Восемь лет прошло с тех пор. Я даже в какой-то момент перестал верить, что эта девушка существовала на самом деле. Начало казаться, что всё это полёт моей бурной фантазии, и я просто лохонулся и пропустил удар. А прекрасный образ незнакомки мне привиделся, пока валялся в реанимации.

Пересматривал с разных ракурсов записи турнира. На месте, где она стояла, не было никого... Хотя конкретно в момент моего боя все камеры были направлены на ринг, мог-

ли и пропустить. Но только при условии, что девушка ушла сразу после моего поражения.

Первый год, когда шла активная реабилитация, мне часто снилась эта милая блондинка с яркими губами. Сны были очень разные, но всегда с эротическим подтекстом. С годами образ немного размылся в памяти, и этот ангел стал посещать меня всё реже.

Но совсем недавно я вновь увидел её.

Начало сна стёрлось — будто его и не было.

Помню, как шёл по улице. Ночь. Чёрный, мокрый асфальт не издавал ни звука под моими ботинками. Вокруг стояла такая тишина, словно весь город вымер, а мир провалился в глубокую, беспросветную бездну.

Улицы казались очень знакомыми, но я не мог понять, где именно нахожусь. Долго бродил в гробовой пустоте тёмных, мрачных переулков, пока не вышел на набережную.

Воздух резко стал влажным, тяжёлым, словно перед дождём. Фонари отбрасывали длинные, жуткие тени, которые колыхались в тусклом свете, будто живые.

И вдруг — она.

Сидит на перилах моста, свесив ноги над непроглядной чёрной гладью бурной реки. Хрупкая фигура дрожит от ветра и едва заметно покачивается из стороны в сторону.

Я бросился бежать, но казалось, что не могу сдвинуться ни на метр вперёд, ноги словно вязли в чёрном, густом асфальте.

Когда у меня наконец-то получилось приблизиться к ней. Девушка повернулась.

Глаза — пустые, холодные, полные страданий и безысходности. На щеках — размазанная тушь и полузажившие ссадины. Она провела ладонью по лицу, убрав волосы, и посмотрел так, словно хотела заглянуть в мою душу.

Без слов, беззвучно шевельнула губами, будто прошептала самой себе:

«Прощай…»

И прыгнула, исчезнув за перилами...

На мгновение весь мир остановился. А потом меня накрыло таким ужасом, что я, кажется, перестал чувствовать собственное тело. В этот же момент, липкий, густой асфальт вдруг отпустил ноги, и я метнулся следом, вытянув руку, словно всё ещё мог её удержать. Но кисти и запястья обдало ледяными, колючими брызгами, и пальцы сомкнулись в пустоте.

Мой крик мгновенно расколол тишину этого сонного, мрачного города, и я проснулся.

Холодный пот струился по вискам. Сердце колотилось словно бешеное. В груди ощущалась пустота от чего-то глубокого и тёмного, растекающегося внутри.

В ту ночь я первый раз за восемь лет серьёзно приложился к бутылке.

После травмы мне длительное время был запрещён алкоголь, а потом перестали привлекать тусовки и бухло. Уже

не хотелось проматывать жизнь ради сиюминутного удовольствия.

Зато клиенты с завидной регулярностью преподносили «знаки благодарности»: дорогой коньяк, виски, некоторые предпочитали дарить вино.

Со временем в клубе появился достойный бар с напитками, а дома небольшой, но солидный запас, на случай гостей. Сам же я мог выпить только по великому поводу, либо в компании очень близких людей.

Тогда же... просто встал с кровати и чуть ли не залпом всадил полбутылки коньяка. Сел на пол посреди кухни и пил до самого утра. На работу даже не поехал. Предупредил парней, чтобы держали меня в курсе, лёг на кровать и отрубился почти на сутки.

С тех пор она мне не снилась.

В голове крутились мысли, что с ней могло что-то произойти. Хотя разум ясно понимал, что это полнейший бред. Ведь я даже не знаю, существует ли девушка на самом деле или всё это — полёт моей бурной фантазии, посттравматический синдром или что-нибудь похуже…

Сегодня же я увидел незнакомку наяву.

Она существует!

И с девушкой действительно что-то произошло.

Понимаю, что мне жизненно необходимо знать, кто она такая. Та, что преследовала меня во снах…

Историю болезни доктор, маловероятно сможет мне пове-

дать, не позволит врачебная тайна. Но если я пойму, кто она на самом деле, то найти информацию не составит труда. Тем более фамилия мне уже известна.

Остаётся поговорить с врачом.

Надеюсь, он пойдёт на встречу...

Глава 3

Лейла. 8 лет назад

— Чего ты там копаешься? Уже можно было три раза собраться!

Из-за двери гардеробной доносится недовольный голос вечно ворчащей подруги.

— Да иду я…

В последний раз оглядываю себя в зеркало и, сделав глубокий вдох, выхожу в спальню. Внутри всё трепещет от волнения, смешанного с каким-то безумным предвкушением. Впервые в жизни я решилась ослушаться отца.

Моим подругам этого не понять. Их родители не были такими консервативными, и после поступления в университет почти у всех девчонок появилась возможность ходить в клубы, бары и другие заведения, куда пускали с восемнадцати лет. У всех, кроме меня.

Мне даже заикнуться об этом было нельзя. Мама всегда была на моей стороне, но даже ей никакими уговорами не удавалось повлиять на отца.

Каримов Рафаэль Эльдарович — вице-президент одной из крупнейших нефтяных компаний страны, владелец сети ресторанов в европейской части России, собственник нескольких IT-стартапов, уже приносящих немалую прибыль… И, по совместительству, мой отец.

Это был тот самый папа, который обожал носить меня на руках, потакал каждому моему детскому желанию и превращал любые капризы в маленькие чудеса. Он звал меня своим пушистым котёнком, и в его глазах я была самой важной, самой любимой. Мне казалось, что так будет всегда, что его любовь не может закончиться, что он никуда не денется, что я так и останусь его маленькой девочкой. Но всё закончилось… Сломалось в один момент.

Мне было шестнадцать, когда всё перевернулось. Отец вдруг понял, что его девочка уже не маленькая, что она становится взрослой, красивой, уязвимой, и что мир, который раньше казался ему абсолютно простым и защищённым, теперь полон опасностей.

Тот вечер стал для нас обоих трагедией, которую мы не можем и не хотим забывать. С тех пор его взгляд на меня изменился: в нём появилась тревога, которую он уже не мог сдерживать внутри.

Мы всей семьёй были в гостях на годовщине свадьбы близких друзей, когда на нас обрушилась страшная новость.

В разгар мероприятия в зал ворвалась охрана и быстрым шагом направилась к одному из гостей. Ринат Айдарович, друг отца, вместе с супругой ушёл в кабинет хозяина вечера, а вскоре вернулся с ужасной вестью.

Моя подруга детства… Победительница множества конкурсов красоты, мастер спорта по спортивным танцам, умница, красавица и просто добрый, замечательный человек,

пропала.

Алинка была в «Изумрудном берегу», местном ночном клубе, вместе с двоюродной сестрой и охраной. В какой-то момент она вышла в туалет, и больше её никто не видел.

Спустя двадцать минут, когда девушка так и не вернулась, охранники забеспокоились и ворвались внутрь, но там никого не оказалось. При обыске обнаружили только её любимую маленькую золотую серьгу с изумрудом, лежащую у окна.

Клуб тщательно обыскали, однако никаких следов Алинки не обнаружили. Все камеры по периметру оказались отключены, свидетелей не было. Посетители видели, как она заходила в туалет, но куда исчезла потом, никто не знал.

По словам следователя, в туалете было окно. Предположительно похитители проникли через него и тем же путём вытащили девушку наружу. Окно выходило в пустынный переулок. Камера ресторана напротив зафиксировала, как в момент пропажи оттуда выехала чёрная тонированная иномарка без номеров. Но отследить машину и найти похитителей, так и не удалось.

Тогда подруге только исполнилось девятнадцать. Несмотря на небольшую разницу в возрасте, мы были очень дружны. Наши родители работали вместе ещё в молодости, а позже их деловые пути тесно переплелись, сблизив и наши семьи. Мы часто встречались на общих мероприятиях и со временем стали почти родными.

С того дня прошло уже два с половиной года, но никаких

новых новостей не появлялось.

Мать Алинки тяжело переживала исчезновение дочери. Женщина перенесла несколько инсультов и уже второй год была прикована к постели. Отец не терял надежды найти дочь живой и здоровой, но с каждым годом эта надежда таяла, как мороженое в знойный день.

Именно после того вечера отец запретил мне выходить куда-либо без охраны. С тех пор начался мой личный ад: тотальный контроль, телохранители, которые следовали за мной даже на лекциях, жёсткое расписание, которое нельзя было нарушать, и полный запрет на общение с парнями.

О каких клубах могла идти речь, если мне запрещали даже разговаривать с мужчинами?

Первое время мне было всё равно. Я сама безумно переживала за Алину, и отцовские запреты казались мне пустым звуком. Мне было плевать на всё вокруг. Мир словно выцвел, потерял краски и смысл. Я не могла поверить, что такое могло случиться с человеком, которого я знала почти всю жизнь.

Мама, в ужасе от того, во что я превратилась, металась, цеплялась за любую соломинку и отчаянно искала вариант вытащить меня из этой чёрной ямы. И конечно же, нашла его у знакомого психотерапевта.

Целый год доктор терпеливо распутывал мои мысли, пытаясь вернуть к прежней жизни. Но я лишь бессильно наблюдала, как из меня уходит всё настоящее, оставляя после

себя пустоту, в которой не оставалось даже сил плакать. Я ведь прекрасно знала, что как раньше уже никогда не будет. Какая-то часть меня навсегда осталась в том вечере, когда исчезла моя лучшая подруга.

С тех пор я жила будто в чужом мире — без красок, без смысла, без той девочки внутри, которая когда-то умела радоваться просто потому, что была жива.

Со временем пришло горькое осознание, что, скорее всего, я больше никогда не увижу Алинку. Поэтому я заставила себя следовать советам врача — старалась думать о ней как можно меньше, училась жить сегодняшним днём, а не бесконечно возвращаться в прошлое.

Все вокруг понимали, что её, скорее всего, уже нет в живых. Но никто не решался произнести это вслух, боясь разрушить хрупкое равновесие моей психики.

Когда я, наконец, нашла в себе силы двигаться дальше, остро почувствовала, как меня душит отцовская забота. Конечно, я понимала, что папа безумно дорожит единственной дочерью. Но эта любовь давно превратилась в клетку, из которой невозможно выбраться.

Весь университет смеялся у меня за спиной. Ни друзей, ни нормального общения. Осталась только одногруппница Ленка, да и с ней мы виделись от силы раз-два в месяц. В остальное время — звонки, переписки и вечное ощущение, что я живу не своей жизнью. Я бы и рада была встречаться чаще, но подруга обожала жить на полную катушку: клубы,

тусовки, «вписки», как сейчас модно говорить. А для меня на всё это был наложен строжайший запрет.

До боли, до крика, до дрожи в руках я хотела хоть раз пойти куда-нибудь одна. Хотя бы на один вечер оказаться без надзора. Хоть на несколько часов перестать быть чужой собственностью. Надоело прозябать в этой роскошной тюрьме, где даже воздух казался пропитанным чужим контролем.

Я хочу свободы! Настоящих путешествий, любви, ошибок, смеха до утра… и ни одного охранника за спиной.

Все считают меня зажравшейся мажоркой, которой всё подносят на блюдечке. Никто даже не представляет, как мне чертовски одиноко в этом стерильном мире. Каково это — иметь всё, кроме самого простого права распоряжаться собственной жизнью. Но сегодня всё изменится.

Сегодня я стану свободной.

Пусть всего на один вечер, пусть ненадолго, но я, наконец, почувствую вкус жизни.

Целую неделю мы с Ленкой ломали голову над тем, как мне сбежать из собственного дома, где каждый угол находился под наблюдением. И вот теперь настал момент воплотить наш план в жизнь.

Сердце колотилось как сумасшедшее, ладони стали влажными от волнения. Я то и дело прислушивалась к звукам за дверью, боясь, что кто-нибудь заметит нашу затею раньше времени.

Младшая сестра Ленки осталась в моей комнате. Её за-

дача — создать «шумовую завесу»: слушать музыку, громко болтать с подружками по связи, изображая наши бурные посиделки. А мы с Ленкой тем временем тихо выскользнем через окно, пока курьер с доставкой еды отвлечёт охрану у входа.

Чистое безумие. Но от одной мысли, что всё может получиться, у меня подкашивались ноги от восторга.

Ленка буквально бредила сегодняшним событием: финалом чемпионата России по боксу. Билеты мы купили заранее, тайком. На ринге должен был выступать Танк — главная звезда нашего универа и, по совместительству, безответная Ленкина любовь.

Конечно, он был значительно старше нас, заканчивал последний курс и даже не догадывался о существовании двух первокурсниц, которые с таким рвением мечтали попасть на его бой. Но Ленку это нисколько не огорчало. Она была уверена, что сегодня обязательно увидит его вживую, а, может, даже сумеет подобраться поближе и взять автограф. Ведь в институте он практически не появлялся, а если и заезжал, то его сразу облепляли старшекурсницы, которые готовы были его сожрать, лишь бы он озарил их своей улыбкой или шлепком по пятой точке.

Мне этот парень на самом деле не очень нравился. Я не понимала, что в нём такого. Гора мышц и хитрая ухмылка, глаза какие-то холодные, отстранённые, но бросить подругу в очередной раз с её любовными переживаниями, просто не

могла. Она была единственной, кто не отвернулся от меня в этом вакууме, кто продолжал вытаскивать меня из моей золотой клетки — пусть даже всего лишь разговорами и безумными идеями.

В который раз смотрю на себя в зеркало, стоя напротив туалетного столика, и не могу сдержать торжествующей улыбки.

На мне джинсы и огромная толстовка-балахон с капюшоном. Я знала, что знакомых там быть не должно, разве что ребята с универа, но бережёного бог бережёт… Вдруг пресса? Вдруг кто-нибудь узнает?

В этой бесформенной одежде я меньше всего напоминала дочь крупного бизнесмена. Скорее — обычную студентку из общаги политеха, затерявшуюся в толпе.

Нужно не забыть кепку и тёмные очки. Тогда я стану неузнаваемой. А для меня сейчас это и есть синоним свободы.

Глава 4

Роман. Наши дни

Доктор не возвращается минут тридцать. За это время я успеваю пересмотреть всё в его кабинете, вплоть до историй болезни пациентов, карты которых обнаруживаются в столе. Конечно, я понимаю, что такое врачебная тайна и всё в этом духе, но мне на неё сейчас откровенно насрать. Я бы и его компьютер взломал, будь такая возможность, но на рабочем месте почему-то оказался только ноутбук. Зарядку к нему я так и не нашёл, а сам он сел сразу, как только я его открыл.

Каримова…

Фамилия до боли знакомая, но я никак не мог понять, о ком конкретно идёт речь. Каримовых я знал как минимум троих, и это только тех, с кем был знаком лично. Все они жили в разных городах, но ни одного из них не было в Москве, когда восемь лет назад я увидел ту девчонку. Впрочем, это ещё ни о чём не говорит. Она могла приехать туда в гости, учиться, жить у родственников — да что угодно. Слишком уж распространённая фамилия, чтобы делать какие-то выводы.

Славику, своему программисту, я уже отправил всю информацию, которая у меня имелась. Фотографии, правда, не было, но девушку я описал достаточно подробно. Настолько, насколько вообще можно описать человека, которого видел

всего несколько раз, а потом восемь лет безуспешно пытался выкинуть из головы.

Кто же ты такая? И какого чёрта я до сих пор не могу прийти в себя?

Полчаса назад меня накрыло чем-то до боли похожим на паническую атаку. Словно человек из кошмаров внезапно материализовался передо мной, выдернув из реальности всё, что я считал привычным и понятным. Только это были не кошмары. И не просто сны, которыми я столько лет оправдывал собственный провал.

Девчонка существовала на самом деле.

Моя причина проигрыша не была выдумкой, удобной отговоркой для тех, кто не хотел признавать, что я мог ошибиться. Я действительно видел её. И во время последнего боя отвлёкся именно на эту особу.

Восемь лет назад.

Чёрт!

Я медленно провожу ладонью по лицу, пытаясь унять раздражение. Привычка анализировать происходящее никуда не делась, вот только сейчас мозг словно отказывается работать в нормальном режиме. Вместо логических выводов подсовывает обрывки воспоминаний, догадки и вопросы, на которые у меня нет ни одного внятного ответа.

Или она просто слишком похожа?

Нет. Так дело не пойдёт.

Нужно взять себя в руки и успокоиться. Паниковать, стро-

ить теории на пустом месте и поддаваться эмоциям — последнее, что мне сейчас нужно. Я слишком хорошо знаю, к чему приводит потеря контроля. Особенно когда имеешь дело с тем, чего не понимаешь. Но как бы я ни старался сохранять холодную голову, мысли продолжают сверлить мозг.

Что она делала на тех соревнованиях? Почему потом исчезла? И что с ней вообще происходило все эти годы?

Сдимаю челюсть. Ответы не появятся сами собой, а сидеть и гадать, перебирая в голове одни и те же вопросы, я не собираюсь.

Мне нужна эта чертова информация.

Телефон наконец подаёт сигнал. Сообщение от Славика.

Каримов Рафаэль Эльдарович — вице-президент компании Orvexar Oil Group. Помимо основной деятельности, официально владеет рядом других компаний. По неофициальным данным, контролирует сеть подпольных казино в Москве и Санкт-Петербурге. Женат. Имеет дочь, 26 лет. Блондинка, смуглая кожа, карие глаза. В 2019 году училась в Московском экономическом институте на факультете связей с общественностью. Часто посещала светские мероприятия вместе с отцом. С 2020 года нигде не появлялась. Сведений о смерти нет. Из института отчислилась по собственному желанию, предварительно проведя около полугода на больничном. Она?

Ниже идут ссылки на статьи с фотографиями.

Я открываю первую и жадно впиваюсь взглядом в лицо на

экране.

Она.

Точно она.

Вице-президент компании Orvexar Oil Group Каримов Рафаэль Эльдарович с дочерью Каримовой Лейлой Рафаэльевной

На несколько секунд всё вокруг будто перестаёт существовать. Я увеличиваю фотографию, всматриваюсь в черты лица, задерживаюсь на глазах, губах, изгибе бровей. И чем дольше смотрю, тем сильнее становится странное, неприятное чувство внутри.

Это действительно та самая девчонка. Но будто совсем другая…

Не такая, какой я увидел её сейчас. И даже не такая, какой запомнил на соревнованиях.

На фотографии — нежная, утончённая девушка в атласном струящемся платье. Идеальная осанка, шикарная причёска, безупречный макияж. Вся такая правильная, ухоженная, из тех, кто с детства знает, как держать спину, улыбаться нужным людям и не выставлять напоказ ничего лишнего. Дочь влиятельного отца, привыкшая к светским мероприятиям и чужому вниманию.

Но всё же это она…

Сомнений быть не может!

Откидываюсь на спинку кресла и несколько секунд просто смотрю на экран. В голове не укладывается, что девушка, которую я столько лет считал случайным наваждением, существовала в совершенно другой реальности. У неё была

семья, имя, положение в обществе. Своя жизнь, которая почему-то оборвалась для окружающих в 2020 году.

Что могло произойти за эти годы? Почему человек, который регулярно появлялся на фотографиях со светских мероприятий, вдруг исчез так, словно его никогда не существовало?

Славка, конечно, молодец. Всего двадцать минут — и информация уже у меня на руках. Быстро, чётко, без лишних вопросов. Именно за это я его и ценю.

Где он был восемь лет назад?

Усмехаюсь собственным мыслям. Вряд ли тогда он смог бы мне чем-то помочь. Да и не было у меня никаких оснований искать незнакомую девушку по всей стране. Я сам не понимал, что именно увидел и почему на несколько секунд потерял концентрацию. Тогда всё закончилось поражением, которое я долго пережёвывал, пока не научился воспринимать его как факт. Неприятный, но вполне конкретный.

А теперь прошлое вдруг решило напомнить о себе. Причём так, что я снова чувствую себя человеком, который не способен разобраться в элементарных вещах.

Что же всё-таки случилось с этой девчонкой?

Возвращаюсь к сообщению и перечитываю строчку про институт.

Московский экономический…

Погодите-ка. А не там ли тогда учился Танк?

Хмурюсь, пытаясь восстановить в памяти разговоры тех

лет. Кажется, пацаны как раз подкалывали его из-за учёбы. Говорили, что, когда он окончательно поймёт, что драться не умеет, пойдёт в политику. Тогда это казалось обычным стёбом, и я не придал словам никакого значения. Но сейчас…

Совпадение?

Вполне возможно. Танк мог учиться в другом месте, а память вполне способна подкинуть нужные детали, когда слишком сильно хочется найти связь между событиями. Я не привык доверять первым догадкам, даже если они кажутся очевидными.

Быстро набираю ответ Славику, прошу уточнить, в каком именно учебном заведении учился Танк. Отправив сообщение, снова смотрю на фотографии Каримовой.

Может ли всё это быть подставой?

Мысль неприятная, но отбрасывать её я не собираюсь. Слишком уж странным выглядит совпадение. Но если это подстава, то кто и зачем её организовал? Как они могли знать, что я вообще повернусь в ту сторону? Что замечу её среди сотен людей? Это ведь была обычная реакция. Вокруг ринга орали, кричали, размахивали руками. Шум стоял такой, что собственные мысли приходилось буквально вылавливать из общего грохота. И всё же я обратил внимание именно на неё. На незнакомую девчонку, которую никогда раньше не видел.

По крайней мере, мне так казалось.

Медленно выдыхаю и убираю телефон в карман. Сейчас

можно бесконечно перебирать варианты, но толку от этого не будет. Пока у меня нет фактов, любые выводы — не более чем предположения. А я не собираюсь позволять собственному любопытству или старым воспоминаниям затуманивать голову.

Хотя вероятность подставы невелика, проверить эту версию всё равно необходимо. Мне нужна вся информация. На этот раз я выясню, кто она такая, даже если для этого придётся поднять каждый чертов документ за последние восемь лет.

Настолько погружаюсь в собственные мысли, что не замечаю, как поворачивается дверная ручка. Лишь когда на пороге появляется Николай Викторович, перевожу на него взгляд.

Выглядит он измученным. Совсем не так, как сорок минут назад. От прежней профессиональной холодности почти ничего не осталось: взгляд потух, на лице залегла усталость, а движения стали медленнее. И это при том, что до вечера ещё далеко. Похоже, день у него выдался не из лёгких.

Молча провожаю доктора взглядом до стола. Тот достаёт стакан, наливает себе воды и делает несколько глотков. Не торопится начинать разговор, словно пытается собраться с мыслями. Затем выдерживает короткую паузу, опускается в кресло напротив и внимательно смотрит на меня.

— Прошу прощения, что заставил вас ждать. Слишком тяжёлая пациентка. Думаю, вы и сами всё видели.

Молча киваю, продолжая наблюдать за ним. Николай Викторович откидывается на спинку кресла, на мгновение прикрывает глаза и проводит пальцами по переносице. Похоже, эта девушка вымотала его куда сильнее, чем он готов признать.

— Насколько я понял из нашего телефонного разговора, вы хотели бы поговорить о «ночной розе». Всё верно?

— Абсолютно. Но обстоятельства изменились, и теперь я хотел бы получить от вас немного больше информации, чем вы, вероятно, готовы предоставить мне как врач.

Николай Викторович медленно открывает глаза. Взгляд становится жёстче, словно он собирается напомнить мне о границах дозволенного, но усталость берёт своё. Доктор лишь на несколько секунд прикрывает веки, а затем тяжело выдыхает.

Не тороплю его. С людьми вроде Николая Викторовича нужно вести себя осторожно. Это не тот человек, которому можно пригрозить, сунуть конверт с деньгами и рассчитывать на нужный результат. Слишком правильный, слишком привыкший следовать собственным принципам. Да и вряд ли он нуждается в деньгах настолько, чтобы ради них поступаться совестью. В конце концов, он лечит таких «дорогих особ», как дочь Каримова. Одного этого достаточно, чтобы предположить, что финансовыми трудностями доктор не обременён.

Остаётся надеяться, что здравый смысл и человеческое

отношение к ситуации окажутся убедительнее любых попыток давления.

— Что именно вы хотите узнать? — наконец спрашивает он.

— Девушка… — Ненадолго замолкаю, подбирая слова, потому, что вопросов слишком много, и ни один не даёт мне покоя. — Я хочу знать, что с ней случилось.

Глава 5

Доктор внимательно изучает моё лицо, словно пытается прочитать мысли, скрытые за внешним спокойствием. Напрасно. Маску я научился надевать ещё в молодости, когда понял, что настоящие эмоции — роскошь, которую нельзя позволить себе в присутствии посторонних. Особенно тех, кто привык считать чужие секреты своей валютой.

Сейчас внутри всё далеко не так спокойно, как может показаться. Хоть ни раздражение, ни нетерпение не отражаются на лице. Пусть доктор думает, что контролирует ситуацию. Мне не жалко. Иногда чужая самоуверенность значительно облегчает задачу.

— Вы же понимаете, что сведения о состоянии пациентки составляют врачебную тайну? — наконец произносит он, складывая руки на столе. — Я не имею права разглашать медицинскую информацию третьим лицам без согласия самой пациентки или иных предусмотренных законом оснований. Надеюсь, вы не предлагаете мне пожертвовать профессиональной репутацией ради вашего любопытства?

Ожидаемый ответ. Другого я и не предполагал. Николай Викторович не просто отказывает. Он заранее обозначает границы, за которые не собирается заходить и одновременно предупреждает, что понимает последствия своих действий. Значит, дело не только в профессиональной этике. За

его осторожностью скрывается нечто большее. Возможно, он действительно дорожит репутацией или боится того, что последует за разглашением.

— Я прекрасно понимаю ваши опасения, — отвечаю ровным голосом. — И, поверьте, не собираюсь заставлять вас нарушать закон. По крайней мере, не вижу смысла создавать вам дополнительные проблемы, если мы можем договориться по-хорошему.

Ненадолго замолкаю, позволяя словам осесть.

— Но информацию я всё равно получу. Вопрос лишь в том, сколько времени на это уйдёт и каким способом она окажется у меня. У меня есть имя и фамилия пациентки, а также достаточно возможностей, чтобы продолжить поиски без вашего участия. Однако, мне кажется, что гораздо разумнее услышать всё непосредственно от специалиста, который наблюдает её. Вы ведь наверняка понимаете, насколько важны достоверные сведения, когда речь идёт о чужом здоровье. Если вы поможете мне разобраться в ситуации, я найду способ отблагодарить вас так, чтобы никто не почувствовал себя обязанным нарушать собственные принципы.

Последняя фраза звучит почти дружелюбно. Прямая угроза заставила бы его закрыться окончательно, а предложение, оставляющее пространство для манёвра, ещё может сработать.

Врач не спешит отвечать. Он откидывается на спинку кресла, снимает очки и медленно протирает их салфеткой.

Тянет время. Видно, что собирается с мыслями, и я почти физически ощущаю, как он взвешивает каждое возможное слово.

— Знаете, Роман, — произносит он, наконец, вновь надевая очки, — я веду эту пациентку больше года. За это время мне пришлось изучить её историю болезни, динамику состояния и реакцию организма на различные обстоятельства. Поэтому я могу сказать вам совершенно определённо, что вы не хотите знать всего, что с ней произошло.

Вот так поворот. Я едва заметно приподнимаю бровь.

— Вы сейчас пытаетесь меня предостеречь или всё-таки напугать?

— Ни то ни другое. Я врач, а не участник ваших личных разбирательств. И предпочёл бы не становиться им в будущем.

Он делает паузу, подбирая формулировку.

— Я не стану обсуждать с вами её диагноз, результаты обследований или детали лечения. Это было бы нарушением конфиденциальности. Но могу сказать, что в подобных случаях мы оцениваем не только непосредственные повреждения или симптомы. Нас интересуют общее состояние пациентки, возможные осложнения, последствия перенесённого стресса и риски для её дальнейшего восстановления. И если вы намерены ей помочь, то вам следует сосредоточиться не на том, чтобы получить доступ к медицинским документам, а на том, чтобы не усугубить ситуацию.

— Вы говорите так, будто я представляю для неё опасность.

— Я вас не знаю, Роман. Не знаю ваших отношений с пациенткой,ваших мотивов и того, что именно вам известно о произошедшем. Поэтому не могу делать выводы. Но я точно знаю, что, если человек перенёс тяжёлое потрясение, дополнительное давление, выяснение отношений и попытки добиться от него объяснений способны ухудшить его самочувствие.

Он говорит спокойно, профессионально, без попыток драматизировать. Именно поэтому его слова вызывают больше вопросов, чем ответов.

Что же, чёрт возьми, с ней случилось?

Я привык оценивать людей по поступкам, а не по тому, насколько убедительно они умеют подбирать слова. Но этот человек явно знает больше, чем готов сообщить. И дело не в обычной осторожности врача, который опасается судебных разбирательств. В его интонации слышится личная вовлечённость. Он не просто защищает медицинскую тайну — он пытается оградить Каримову от последствий, которые могут возникнуть, если эта история станет известна не тем людям.

— Вы упомянули, что мне не понравится то, что я узнаю, — напоминаю я. — Довольно категоричное заявление для человека, который, по собственным словам, не знает ни меня, ни моих отношений с пациенткой.

Доктор смотрит прямо на меня.

— Вы меня, кажется, не понимаете, я хотел сказать, что огласка способна создать проблемы не только для моей подопечной. Некоторые обстоятельства имеют последствия далеко за пределами медицинского кабинета. Я не хочу оказаться в ситуации, когда мои слова используют в чужом конфликте, а пациентка вновь станет его заложницей.

Вот теперь интереснее. Судя по тому, как тщательно доктор выбирает выражения, последствия могут затронуть куда больше людей. В голове уже складываются варианты, один неприятнее другого. Но строить догадки на основании чужих недомолвок — занятие бесполезное. Мне нужны факты. А если доктор не желает ими делиться, придётся искать другой источник.

В конце концов, упрямство ещё никому не помогало сохранить секрет, если кто-то действительно намеревался его раскрыть.

— Допустим, я принимаю ваши условия, — произношу, сцепив пальцы. — Не прошу диагноз, не требую копий медицинских документов и не настаиваю на сведениях, которые вы не вправе сообщать. Мы можем продолжить далее диалог в положительном ключе?

— Вы сказали, что тема нашего разговора будет несколько иной, — напоминает врач. — Насколько я понимаю, Максим договаривался со мной не об обсуждении медицинской истории этой девушки. Если у вас есть вопросы, касающиеся первоначальной цели встречи, я готов продолжить разговор.

Но обсуждать конфиденциальные сведения я не стану.

— Вы правы, — говорю, снова возвращая голосу прежнюю невозмутимость. — Я действительно пришёл не за медицинской картой Каримовой. Наше столкновение в коридоре было совершенно случайным.

Николай Викторович внимательно смотрит на меня, словно пытается понять, насколько искренне звучат мои слова. Пусть думает что угодно. Имя и фамилия у меня есть. Найти нужные сведения в медицинских базах, установить, какие специалисты участвовали в лечении, сопоставить даты и обстоятельства — задача вполне выполнимая. Иногда достаточно знать, где искать и какие вопросы задавать. Но сейчас я хочу услышать ответ от человека, который действительно разбирается в теме.

— Итак, доктор, — произношу я, чуть наклоняя голову. — Расскажите мне о «ночной розе». Что это за вещество и почему вокруг него столько недомолвок?

Глава 6

Роман. 2 часа спустя

Разговор с врачом оказался на удивление тяжёлым. Не потому, что он уклонялся от ответов или отказывался обсуждать интересующие меня вопросы. Напротив, Николай Викторович оказался достаточно компетентным собеседником и объяснял всё предельно ясно. Проблема заключалась в другом… Впервые за много лет мне было слишком трудно сосредоточиться на информации.

Мозг работал на пределе возможностей. Пока одна часть сознания цеплялась за каждое слово доктора, другая уже выстраивала план, как раздобыть необходимые сведения без его участия. Я мысленно просчитывал возможные пути, сопоставлял факты, искал закономерности и одновременно пытался разобраться в том, что именно связывает меня с Каримовой. И вот здесь начинались проблемы.

Мысли о ней настойчиво вторгались в рассуждения, сбивая выстроенную последовательность и заставляя возвращаться к одним и тем же вопросам. Стоило мне сосредоточиться на медицинских подробностях, как в голове возникали совершенно другие образы.

Проклятье!

Я привык доверять логике. Она никогда не подводила, если не позволять эмоциям вмешиваться в процесс. Факты,

расчёты, холодная голова — именно так я принимал решения, которые другим казались невозможными. Но с Каирмовой все привычные правила переставали работать. Я не мог объяснить самому себе, почему незнакомая мне женщина годами являлась в мои сны и будоражила сознание. Ещё хуже было понимать, что теперь эти сновидения перестали казаться просто игрой повреждённого мозга.

Радует хотя бы то, что мне удалось получить исчерпывающую характеристику этого вещества. Теперь я знаю, насколько оно опасно и почему вокруг столько недомолвок.

Никогда не относился даже к легким наркотикам, как к чему-то положительному. Любая химия, которая вмешивается в работу мозга и заставляет терять контроль над собственным телом и сознанием, для меня всегда была не признаком свободы и крутости, а признаком зависимости и слабости. Но «ночная роза» вызывает совершенно другое чувство.

Отвращение.

Это не просто дрянь, которая наносит вред организму и медленно разрушает его. Это вещество, способное сделать самого человека уязвимым для чужой воли. Оно вмешивается в естественную работу нервной системы, нарушает нормальное восприятие происходящего и способно привести к последствиям, которые человек не в состоянии заранее предугадать. А если к этому добавить алкоголь или другие факторы, ситуация становится ещё опаснее.

Самое мерзкое, что внешне всё может выглядеть совершенно обычно. Человек не похож на рядового наркомана, он может разговаривать, ходить, работать, улыбаться коллегам и даже не понимать, что его организм уже находится под воздействием этой заразы. А потом достаточно дополнительной стимуляции в виде бокала вина, и последствия проявляются внезапно, как для него, так и для окружающих.

Слушая врача, я отчётливо понял, что передо мной не безобидный препарат и не какой-то простой допинг. Это опасное химическое вещество, способное нарушить работу организма и поставить человека в ситуацию, последствия которой он не сможет контролировать. И чем дольше я об этом думал, тем сильнее хотелось найти тех, кто решил превратить подобную дрянь в инструмент.

Можно понять многое: жадность, страх, желание получить власть, даже человеческую жестокость, но использовать наркотик для того, чтобы незаметно вмешиваться в чужую жизнь, — это уже не просто подлость, это чья-то хитрая продуманная игра, имеющая определенные цели. Не зря же это дерьмо не ушло в широкий оборот.

Если «ночная роза» действительно используется именно так, я не собираюсь закрывать на это глаза, как бы мне не хотелось отказываться от подобных заказов. Особенно теперь, когда знаю, насколько высока цена.

Самое страшное в ней не то, что она может навредить организму, а то, что она позволяет превратить человеческую

беспомощность в оружие, а оружие такого рода я презираю.

По сути, человек способен получить препарат ещё днём, спокойно отработать рабочий день, а вечером на каком-нибудь светском мероприятии с бокалом шампанского в руках столкнуться с последствиями, которых совершенно не ожидал. При этом окружающие могут списать произошедшее на алкоголь, не подозревая о настоящей причине изменений в поведении. Получается почти идеальное преступление. Жертва может даже не понимать, что стала жертвой. А потом сама же рискует услышать, что виновата в произошедшем.

Эта мысль вызывает во мне такое раздражение, что приходится сжать пальцы, чтобы не выдать эмоций.

Нет. Теперь я хочу знать, сколько ещё людей могли пострадать от этой дряни. Мне чертовски важно это выяснить.

Странным является ещё один факт: кроме Екатеринбурга, я ни разу не слышал ни о чём подобном. Доктор предположил, что пока эта дрянь не получила широкого распространения за пределами нашего региона. Впрочем, сам же признал, что это лишь догадка. И всё-таки кое-что он мне рассказал.

По его словам, ему достоверно известно как минимум о пяти случаях применения «ночной розы» в клубах и ресторанах. Причём речь идет не о слухах или пересказах из сомнительных источников. О некоторых эпизодах он знал непосредственно, поскольку сам участвовал в оказании ме-

дицинской помощи пострадавшим. Были и другие истории, о которых ему стало известно от коллег и из профессиональной среды. Сколько их произошло на самом деле, остаётся лишь гадать.

Все девушки, о которых мне рассказал врач, были обеспеченными. Не просто из семей со средним достатком, а из тех, чьи фамилии и финансовые возможности открывают многие двери, и вот здесь начинается самое интересное.

Николай Викторович отдельно подчеркнул, что это не просто его субъективное впечатление. По крайней мере, среди известных ему пациентов прослеживается одна и та же особенность: пострадавшие девушки принадлежали к «золотой элите» нашего города. Исключение было лишь одно — жена Максима. Из всех подобных историй, о которых ему известно, только в её ситуации жертвой оказалась девушка, не соответствующая этому негласному правилу.

Что общего между ними, кроме денег, связей и положения в обществе? Кто-то охотится за их состоянием? Пытается шантажировать влиятельных родителей? Мстит? Или дело вообще не в самих девчонках, а в людях, которые их окружают?

Вариантов много, и каждый тянет за собой новые вопросы. Хотя, возможно, я слишком тороплюсь с выводами. Обычная девушка — понятие относительное. Сегодня она может не иметь ни денег, ни связей, ни громкой фамилии, а завтра оказаться частью чужой игры, в которой ставки опре-

деляются совсем не её собственным положением. Тем более конкретных фамилий врач так и не назвал.

Хотя несколько подтверждённых эпизодов не доказывают существования единой схемы. Но если все они связаны с одним веществом, а среди пострадавших снова и снова оказываются дочки богатых родителей, игнорировать такую закономерность было бы глупо. Слишком удобный инструмент для тех, кто предпочитает решать чужие судьбы, оставаясь в тени. А если учесть, что ко мне тоже обращались с этим вопросом, и я точно знаю, что есть и мужчины, которые подверглись влиянию этой дряни, то история становится ещё страшнее. Ведь сын известного политика, тоже не самая последняя фигура в обществе.

Возникает ещё один вопрос: почему Николай Викторович вообще решил рассказать мне свои догадки? Он мог ограничиться общими сведениями об этой дряни. Мог сослаться на врачебную тайну и закончить разговор. Вместо этого он обозначил закономерность, которую сам же не способен объяснить до конца.

Возможно, хотел предупредить меня или проверял мою реакцию. А, может быть, просто устал хранить молчание о том, что давно его тревожит.

Как бы там ни было, теперь я знаю достаточно, чтобы не списывать всё на совпадения. Слишком много вопросов для истории, которую можно было бы объяснить случайностью.

Сейчас я отчетливо понимаю, что эта зараза лишь часть

проблемы. Настоящая опасность кроется в тех, кто её использует.

Глава 7

Лейла. 8 лет назад

Наконец-то мы выбираемся из дома. Захлопнув дверь Ленкиной машины, несколько секунд просто сижу на месте, всё ещё не до конца веря, что действительно решилась на это. Сердце колотится, как у испуганного кролика, ладони немного влажные, а в голове настойчиво крутится одна и та же мысль, что если папа узнает, мне конец. Но вместе со страхом внутри разливается такое непривычное, почти головокружительное чувство свободы, что губы сами собой растягиваются в улыбке.

Прямо сейчас рядом нет никого, кто следил бы за каждым моим движением, никто не открывает передо мной дверь, не спрашивает, куда я собралась и зачем, не требует сообщать, где нахожусь, с кем и во сколько вернусь. Впервые за долгое время не нужно ни перед кем отчитываться и подстраивать свои планы под чужие распоряжения. Просто я сижу в машине рядом с Ленкой и еду туда, куда хочу. Сама. Без разрешения, без сопровождения, без бесконечных звонков и напоминаний о том, что мне нельзя задерживаться.

От одной только мысли о сегодняшнем вечере становится так легко, что хочется рассмеяться вслух. Ленка замечает мою улыбку, тут же толкает меня локтем и довольно произносит:

— Ну что, Каримова, поздравляю. Ты официально стала преступницей.

— Не смешно, — пытаюсь изобразить серьёзное лицо, но губы предательски дрожат, выдавая улыбку.

— А я и не шучу. Ты только представь, что будет, если твой папочка узнает, что его драгоценная доченька самостоятельно покинула дом, да ещё и отправилась смотреть бокс.

— Не напоминай, — смеюсь в ответ. — А то я сейчас снова испугаюсь.

— Не боись, — отмахивается подруга. — Сегодня ты просто обычная девчонка. Без охраны, без водителя, без папочкиного контроля. И вообще, если меня кто-нибудь спросит, кто ты такая, отвечу, что мы с тобой сёстры-близняшки.

— Лен, мы совершенно не похожи.

— Ничего страшного. Скажем, что нас в детстве перепутали в роддоме.

Тут уже я не выдерживаю и заливаюсь самым настоящим, громким хохотом. Смеюсь так искренне, что на несколько секунд даже забываю обо всём, что ещё недавно заставляло меня нервничать. Только сейчас понимаю, насколько сильно мне этого не хватало — возможности смеяться над какой-нибудь глупостью, не оглядываясь по сторонам и не думая о том, кто может услышать. Возможности самой решать, куда идти, с кем разговаривать, что смотреть и даже что чувствовать, не опасаясь, что кто-то обязательно захочет проконтролировать каждый мой шаг.

Опускаю стекло и подставляю лицо прохладному ветру. Волосы тут же разлетаются по плечам, а свежий воздух приятно касается разгорячённых щёк.

— Боже, как же хорошо…

— А я что говорила? — довольно отзывается Ленка.

На несколько секунд замолкаю и закрываю глаза, позволяя себе просто наслаждаться этой поездкой. Сегодня я просто Лейла. Не дочь Каримова, не девочка, за которой постоянно следят, не драгоценная наследница, которую нельзя выпускать из дома без разрешения. Просто обычная студентка, которая сбежала с подругой на бокс.

Впервые за очень долгое время мне хочется не прятаться от жизни, а, наоборот, попробовать её на вкус — почувствовать, услышать, увидеть всё, что раньше проходило мимо, пока за меня решали, что мне можно, а чего нельзя.

Когда мы подъезжаем к спортивному комплексу, становится ясно, насколько сильно я ошибалась, представляя себе несколько десятков фанатов и журналистов у входа. Здесь настоящее столпотворение. Люди толкаются у дверей, переговариваются, смеются, перекрикивают друг друга, фотографируются и размахивают флагами. Кто-то уже оживлённо обсуждает предыдущие бои, кто-то спорит о фаворитах, а кто-то с таким нетерпением поглядывает на вход, словно боится пропустить самое главное.

Ленка буквально преображается на моих глазах. Ещё секунду назад она спокойно сидела за рулём, а теперь едва ли

не подпрыгивает от нетерпения, хватает меня за руку и решительно тянет к толпе. Приходится поспешить следом, стараясь не отставать и одновременно не потерять её среди десятков незнакомых людей.

— Только не потеряй меня! — предупреждаю, когда нас начинает затягивать людской поток.

— Если потеряешься, просто кричи: «Танк!» — совершенно серьёзно отвечает она. — Половина зала прибежит.

— Ага, а вторая половина решит, что мы сумасшедшие.

— Мне всё равно. Я должна его увидеть.

Внутри оказывается ещё хуже. Людей столько, что к рингу практически невозможно пробиться. Мы пытаемся пройти несколько раз, но каждый раз нас останавливает плотная масса зрителей толпящихся между рядов. В итоге приходится смириться и остаться где-то сбоку, среди толпы. Сначала я расстраиваюсь, потому что рассчитывала спокойно занять своё место и всё рассмотреть, но проходит всего несколько минут, и я уже забываю об этом. Здесь слишком интересно. Впервые я вижу бокс не через экран телевизора, а вживую, и от этого всё кажется совершенно другим. Каждый удар отдаётся в криках зрителей, каждый выход спортсмена сопровождается свистом и аплодисментами, а напряжение в толпе ощущается почти физически.

— Лен, мы вообще когда-нибудь до наших мест доберёмся? — спрашиваю, пытаясь выглянуть из-за стоящего впереди мужчины.

— Конечно.

— Когда?

— Перед самым финалом.

— Очень смешно.

Мы смеёмся и остаёмся в толпе. Один бой сменяет другой. Сначала я почти ничего не понимаю и просто стараюсь не потерять Ленку, но постепенно сама начинаю следить за происходящим. Мне неожиданно нравится шум, нравится, как люди реагируют на каждый удар, как кто-то рядом вскакивает и начинает кричать, как после особенно удачной атаки вся толпа словно взрывается. Я даже сама несколько раз не выдерживаю и вскрикиваю вместе со всеми.

— О-о-о! — вырывается у меня после особенно сильного удара. Ленка тут же поворачивается и довольно улыбается:

— Я знала, что тебе понравится!

— Только папе не говори.

— Никогда.

Вдруг я понимаю, что совершенно счастлива. Мне нравится быть среди незнакомых людей, слышать их голоса, чувствовать чужие плечи рядом и совершенно не думать о том, кто я и откуда приехала. Никто не знает мою фамилию. Никому нет дела до того, кто мой отец. Здесь я просто девушка, которая пришла посмотреть бой вместе с подругой.

Это ощущение настолько непривычное и прекрасное, что мне хочется запомнить его навсегда.

Постепенно часть зрителей начинает уходить. Проиграв-

шие бойцы покидают ринг, их фанаты расстраиваются, кто-то отправляется домой, кто-то идёт за напитками, кто-то просто освобождает проход. Толпа понемногу редеет во время перерыва перед финальным боем, и мы с Ленкой, наконец, замечаем возможность пробраться ближе.

— Сейчас! — хватает меня за руку она. — Пока есть шанс!

Мы протискиваемся между людьми, несколько раз извиняемся, наступаем кому-то на ноги, получаем пару недовольных взглядов, но в итоге добираемся до своих мест.

Буквально замираю, увидев, насколько близко они расположены к рингу.

— Лен… мы совсем рядом.

— Я же говорила.

— Это невероятно.

Теперь я вижу каждую деталь гораздо лучше. Оглядываюсь по сторонам, впитывая всё происходящее. Ринг совсем близко. Видны лица спортсменов, слышны голоса тренеров, даже звук ударов кажется каким-то другим. По телевизору всё это выглядело гораздо менее настоящим. Здесь же передо мной живые люди, и от этого внутри появляется приятное волнение.

— Не смотри так, будто тебя сейчас на казнь поведут, — кричит подруга.

— Всё нормально.

— Тогда чего ты так испуганно смотришь?

— Просто… мне непривычно.

Мне действительно немного не по себе от нахлынувших ощущений, но, наверное, именно здесь я впервые за много лет позволяю себе просто наслаждаться происходящим, не думая ни о прошлом, ни о доме, ни о том, что будет завтра.

Когда объявляют финальный бой, Ленка буквально теряет способность нормально говорить. Она вскакивает со своего места и начинает кричать вместе со всем залом:

— Танк! Танк! Танк!

— Лена, пожалуйста, не кричи так! Голос же сорвёшь!

— Я должна его поддержать!

— Он тебя не слышит.

— А вдруг слышит?!

— В таком шуме?

— Он почувствует мою энергетику!

— Конечно, — смеюсь, качая головой.

А потом ведущий объявляет второго участника финала и… зал взрывается.

— ЗВЕРЬ!

— ЗВЕРЬ!

— ЗВЕРЬ!

Тысячи голосов сливаются в один мощный гул, и я впервые вижу его…

Сначала я просто смотрю на мужчину, даже не сразу понимая, почему вдруг перестала улыбаться и почему привычный шум вокруг словно отступил куда-то далеко. На несколь-

ко секунд забываю, как дышать, потому что всё внимание неожиданно сосредотачивается на нём одном. Он выходит спокойно, без лишней суеты, не пытаясь привлечь к себе внимание, и именно эта сдержанная уверенность почему-то действует сильнее любых эффектных жестов. В его движениях чувствуется такая естественная сила, такая спокойная мужская самоуверенность, что взгляд сам собой скользит по высокой фигуре, задерживаясь на широких плечах, сильных руках, мощной груди и напряжённом животе. Боксёр идёт уверенной походка. Кажется, даже в том, как он шагает к рингу, есть что-то притягательное, отчего невозможно отвести глаза.

Лишь спустя несколько секунд приходит осознание, насколько откровенно я рассматриваю незнакомого мужчину. Щёки мгновенно заливает жаром и приходится поспешно опустить взгляд, будто кто-то мог заметить мой внезапный интерес.

У соперника Танка светлые волосы, резкие скулы, упрямо сжатые губы и тяжёлый взгляд, в котором нет ни капли улыбки или желания понравиться окружающим. Он кажется совершенно недоступным, даже немного холодным, словно между ним и всем остальным миром существует невидимая преграда, которую никто не осмеливается переступить. Почему-то именно это делает его ещё привлекательнее. В нём нет ничего мягкого или располагающего, но взгляд всё равно снова и снова возвращается к его лицу, пытаясь уловить

хотя бы малейшую эмоцию.

Роман Зверев

Медленно сглатываю, чувствуя, как жар поднимается от шеи к щекам. Особенно неловко оттого, что меня привлекает не только его лицо, не только этот тяжёлый взгляд и резкие черты, но и само его тело — сильное, тренированное, с отчётливо очерченными мышцами. От одной мысли о том, что ещё несколько секунд назад я так откровенно разглядывала незнакомца, становится жарче. Подобное внимание к мужчине совершенно мне несвойственно, и всё же заставить себя не смотреть на него снова, оказывается, неожиданно трудно.

— Ну что? — тихо спрашивает Ленка, наклоняясь ко мне.

— Что «ну что»?

— Понравился?

— Кто? — делаю вид, что не понимаю, хотя прекрасно знаю, о ком она говорит.

— Ой, Лейла, не притворяйся. Вон тот красавчик на ринге.

— Лен, ну, перестань… — шепчу я, чувствуя, как щёки снова заливает румянец.

— Значит, понравился, — довольно заключает подруга.

— Я ничего такого не говорила.

— А тебе и не нужно. У тебя всё на лице написано.

— Замолчи уже, — прошу я, едва сдерживая улыбку.

Ленка тихонько смеётся, явно довольная моей реакцией, а я снова перевожу взгляд на ринг, но как ни стараюсь, отвести

его от светловолосого боксёра уже не получается.

Гонг заставляет меня вздрогнуть, и зал в ту же секунду взрывается криками. Бой начинается. Танк сразу идёт вперёд, напористо и резко, словно собирается смять соперника одним стремительным натиском, а Зверев встречает его удивительно спокойно, без малейшей суеты, будто именно такого развития событий и ожидал. Несколько быстрых обменов ударами — движение в сторону, точный блок, короткий ответный выпад, и всё это происходит настолько стремительно, что взгляд едва успевает следить за происходящим.

Роман двигается невероятно красиво. В его движениях есть какая-то особенная точность и выверенность, от которой невозможно оторваться: сильное тело легко уходит от ударов, плечи едва заметно поворачиваются, ноги уверенно скользят по настилу, а руки поднимаются именно в тот момент, когда это необходимо. Ни одного лишнего движения, ни малейшей растерянности — кажется, он чувствует соперника ещё до того, как тот успевает нанести удар. И за этой внешней лёгкостью угадывается огромная сила, скрытая в каждом напряжении мышц, в каждом повороте корпуса, в том, как уверенно он держится на ногах.

Постепенно всё вокруг перестаёт иметь значение. Громкие выкрики зрителей сливаются в один сплошной шум, Ленка рядом что-то кричит, но её голос доходит до меня будто издалека. Всё внимание приковано к мужчине на ринге, и с каждой секундой становится всё труднее объяснить самой

себе, почему его движения так завораживают. Дело уже не только в привлекательной внешности, хотя от одного взгляда на него по-прежнему становится жарко. Мне нравится его спокойствие, уверенность, то, как он не тратит силы попусту и не пытается произвести впечатление на публику, словно для него не существует никого, кроме соперника. В нём чувствуется что-то опасное, почти пугающее, но именно это почему-то притягивает ещё сильнее.

В какой-то момент Танк резко меняет темп и идёт в атаку. Зверев отбивает первый удар, ловко уходит от второго, но следующий выпад оказывается неожиданно быстрым. Всё происходит за долю секунды: замечаю, как Танк переносит вес на переднюю ногу, как его плечо отводится назад и рука готовится к удару, направленному прямо в голову Романа. В груди мгновенно что-то сжимается, дыхание застревает где-то в горле, а пальцы непроизвольно впиваются в край сиденья.

Не успев даже осознать собственную реакцию, резко вскакиваю на ноги, подаваясь вперёд и напряжённо всматриваясь в ринг. Сердце колотится так сильно, словно ударить сейчас собираются не его, а меня. И только в эту секунду приходит странное, почти ошеломляющее понимание, что я переживаю вовсе не за Танка, за которого так отчаянно болеет Ленка. Все мысли сейчас только о Звереве — о том, чтобы он успел увернуться, чтобы этот и последующие удары не достигли цели, чтобы с ним ничего не случилось.

От этой неожиданной заботы становится даже немного страшно. Ведь ещё несколько минут назад он был для меня просто незнакомым красивым мужчиной, на которого хотелось смотреть украдкой, а теперь одно движение его соперника заставляет меня вскакивать с места и забывать обо всём вокруг.

— Роман! — мой голос срывается сам собой.

Кричу так громко, что на мгновение даже перестаю слышать собственный голос среди общего шума. Вокруг тысячи людей выкрикивают одно и то же имя — точнее, прозвище, которым здесь привыкли называть этого бойца:

— Зверь! Зверь! ЗВЕРЬ!

И только среди всего этого оглушительного хора звучит его настоящее имя. Роман. Моё сердце колотится, пытаясь выпрыгнуть в сторону ринга, когда он вдруг поворачивает голову на мой голос. Всего на долю секунды, но этого хватает, чтобы наши глаза встретились. В его взгляде мелькает удивление, словно он не ожидал услышать своё имя среди бесконечных выкриков толпы и теперь пытается понять, кто именно позвал его.

Именно в эту секунду Танк наносит повторный удар.

Всё происходит слишком быстро. Ещё мгновение назад Роман смотрел прямо на меня, а теперь его голова резко дёргается от удара, тело теряет равновесие, и он пошатывается, пытаясь удержаться на ногах. Следующий выпад соперника оказывается решающим. Зверев падает на ринг, и у ме-

ня внутри словно что-то обрывается.

— Нет… — вырывается едва слышно, почти беззвучно.

Зал взрывается криками. Люди вскакивают со своих мест, кто-то восторженно выкрикивает имя Танка, Ленка рядом тоже что-то кричит, но всё это доходит до меня приглушённым гулом. Не могу отвести взгляд от мужчины, который всего несколько секунд назад казался мне невероятно сильным, почти непобедимым, а теперь лежит неподвижно под ослепительным светом прожекторов.

Судья начинает отсчёт.

Раз.

Пальцы сами собой сжимаются в кулаки, ногти впиваются в ладони, но я почти не замечаю боли.

Два.

Сердце бьётся так сильно, что каждый удар отдаётся где-то в пояснице. Пожалуйста, только поднимись. Только не лежи так.

Три.

Роман не двигается, и от этого становится ещё страшнее.

Четыре. Пять.

— Давай… — шепчу, сама не узнавая свой голос. — Пожалуйста, Роман…

Шесть.

Его плечо едва заметно шевелится, и я невольно подаюсь вперёд, вцепившись пальцами в рукава собственной толстовки.

Семь.

Он безуспешно пытается приподняться, но движение даётся ему с трудом. В груди появляется слабая надежда, такая хрупкая, что страшно даже поверить в неё.

Восемь. Девять.

Дыхание сбивается. Каждая секунда тянется мучительно долго, а взгляд прикован к его фигуре, словно одним только желанием можно заставить его подняться. Ещё немного. Ещё чуть-чуть. Пожалуйста…

Десять.

Всё кончено.

Нокаут.

Роман прикрывает глаза и, окончательно теряя сознание, проигрывает финальный бой.

Смотрю на него и чувствую, как глаза неожиданно наполняются слезами. Мне больно. По-настоящему больно за человека, которого ещё несколько минут назад я даже не знала. И от этого становится только страннее: почему его поражение отзывается во мне так сильно? Почему сердце сжимается при одном взгляде на неподвижную фигуру на ринге?

Ответа нет.

Ленка трясёт меня за плечо, что-то восторженно говорит про Танка, но её слова почти не доходят до сознания. Сейчас совсем не хочется ни разговаривать, ни слушать чужие поздравления. Хочется плакать.

Не потому, что он проиграл, а потому, что в последний

момент посмотрел на меня. Потому что я выкрикнула его имя, а он услышал. Получается, что именно мой голос на мгновение отвлёк мужчину от боя. Может быть, если бы я промолчала, всё сложилось бы иначе. Если бы не позвала его, он бы не повернул голову, не отвёл взгляд от соперника и не пропустил тот удар.

— Лейла, ты чего?!

Вздрагиваю от голоса Ленки и с трудом отрываю взгляд от ринга. Поднимаюсь, но прежде чем уйти, снова смотрю на Романа. Он по-прежнему без сознания, а вокруг него уже собрались медики. Взгляд задерживается на его лице, светлых волосах, сильных плечах, на напряжённом теле, которое теперь кажется мне каким-то особенно беззащитным. От этой мысли внутри всё снова сжимается, и я поспешно отвожу глаза, чувствуя неловкость даже перед самой собой.

Ведь я впервые увидела этого мужчину всего несколько минут назад. Мы не знакомы, между нами нет ничего общего, кроме той короткой встречи взглядами, но почему-то так хочется снова на него смотреть. Сейчас, наверное, совсем не время думать о том, насколько привлекательным он мне кажется, но остановить себя почему-то не получается.

— Лейла, ты меня вообще слышишь?

Перевожу взгляд на Ленку и только теперь понимаю, что она уже несколько раз пыталась привлечь моё внимание.

— Да… Да, слышу, — торопливо отвечаю, подхватывая сумку и стараясь не смотреть в сторону ринга.

— Пойдём.

Не дожидаясь новых вопросов, направляюсь к выходу почти бегом, сама не понимая, отчего именно пытаюсь убежать: от шума, от собственных мыслей или от тревоги, которая никак не отпускает.

На улице холодный воздух касается лица, и я жадно вдыхаю его, надеясь хоть немного прийти в себя. Но сердце всё ещё бьётся слишком быстро, а перед глазами снова и снова возникает одна и та же картина: Роман поворачивает голову на мой голос, наши взгляды встречаются, и в следующую секунду он падает на пол. От этого воспоминания становится не по себе.

Ленка выходит следом и несколько секунд молча смотрит на меня, а потом осторожно берёт за плечо.

— Эй… Ты точно нормально себя чувствуешь?

— Да. Просто… — запинаюсь и опускаю взгляд. — Просто я испугалась.

— Из-за Зверева?

Молчу, и Ленка понимающе вздыхает.

— Лейл, он очнётся. Врачи уже оказывают ему помощь.

— Я знаю.

— Тогда почему ты так переживаешь?

Не нахожу что ответить подруге. Да и как объяснить то, чего сама до конца не понимаю?

Сказать, что мне стало страшно, когда он упал? Что, когда Зверев остался лежать на ринге, внутри всё сжалось так,

будто я знала его не несколько минут, а много лет? Что до сих пор помню его взгляд и не могу перестать думать о той короткой секунде, когда наши глаза встретились? И что теперь меня мучает мысль, что, возможно, именно мой голос стал причиной его поражения?

Вместо ответа просто смотрю на освещённые окна спортивного комплекса. Где-то там, за этими стенами, остался мужчина, которого сегодня я увидела впервые, но который почему-то уже успел вызвать во мне столько чувств. Не знаю, что с ним сейчас, очнулся ли он, насколько серьёзно пострадал. И от невозможности узнать это тревога становится только сильнее.

Почему-то кажется, что этот вечер я ещё долго не смогу забыть.

Глава 8

Домой мы с Ленкой добрались уже довольно поздно. Всю дорогу я почти не разговаривала, хотя подруга несколько раз пыталась втянуть меня в беседу. Стоило закрыть глаза, как перед внутренним взором снова возникал ринг, и сердце болезненно сжималось от воспоминаний о последних секундах боя. Казалось, стоит мне хоть на мгновение отвлечься, как я опять услышу собственный крик и увижу, как Роман поворачивает голову в мою сторону.

Возле дома мы остановились поодаль от главных ворот. Впереди виднелась освещённая площадка, где обычно дежурили охранники, и появляться там после нашего побега было бы верхом глупости.

— Только не говори, что мы теперь будем ждать до утра, — прошептала Ленка, оглядывая территорию.

Только сейчас стало понятно, что, тщательно продумав, как выбраться из дома, мы совершенно забыли о том, что когда-нибудь придётся возвращаться.

— Есть одно место, за садом. Там камеры не достают до забора.

— И почему мы сразу туда не пошли?

— Потому что я боялась, что нас заметят, а сейчас, похоже, выбора нет.

— Прекрасно. Значит, сегодня у нас дебют по проникно-

вению на частную территорию.

В другой ситуации я бы непременно рассмеялась, но сейчас было совсем не до шуток. Мы обошли дом, стараясь держаться в тени деревьев, и остановились возле нужного участка. Забор казался гораздо выше, чем я помнила, а под ногами предательски шуршали сухие листья. Несколько секунд мы прислушивались, боясь привлечь чьё-нибудь внимание, после чего пришлось действовать.

Первой полезла я. Цепляясь за выступы и стараясь не задеть ветки, кое-как перебралась на другую сторону, а затем помогла Ленке. Когда мы, наконец, оказались на территории дома, обе выдохнули с таким облегчением, словно только что совершили настоящее ограбление.

Сестра Ленки уже ждала нас внутри. Пока мы отсутствовали, она устроилась в моей спальне, включила музыку, громко болтала по телефону и время от времени заливалась смехом. Родители должны были слышать привычный девичий шум и даже не подозревать, что две из трёх подруг в это время находились совсем в другом месте.

Мы с Ленкой осторожно поднялись на второй этаж и, оказавшись в комнате, наконец, смогли расслабиться. Её сестра встретила нас довольной улыбкой, словно ничего необычного не произошло.

— Ну наконец-то! Я уже устала тут одна развлекаться, — прошептала Аня, убавляя музыку.

— Зато ты отлично справилась, — улыбнулась Ленка. —

Надеюсь, нас никто не спалил?

— Да вроде нет. Я же специально погромче музыку включала.

Мы поблагодарили её за помощь, немного посидели вместе, а когда решили, что пора заканчивать наше представление, втроём спустились к выходу Теперь предстояло сыграть последнюю сцену: попрощаться у парадного входа так, будто Ленка с сестрой только что провели у меня весь вечер.

— Ну всё, девочки, спасибо за компанию! — нарочито весело произнесла я, когда мы оказались возле двери. — Отлично посидели. До завтра!

Ленка обняла меня, Аня тоже попрощалась, после чего они направились к машине. Я проводила подруг до ворот, помахала вслед и лишь затем вернулась в дом. Со стороны всё выглядело совершенно обыденно: две девушки приехали в гости, провели вечер с подругой и отправились домой. Никто не должен был догадаться, что несколько часов назад мы тайком пробирались на боксёрский поединок, а после таким же трудом возвращались.

Стоило закрыть за собой дверь комнаты, как притворная улыбка исчезла. Тишина, которую ещё недавно нарушали голоса девчонок и музыка, вдруг показалась невыносимой. Я медленно подошла к окну, прислонилась лбом к прохладному стеклу и снова увидела перед собой Романа.

Весь вечер я пыталась убедить себя, что ничего страшного не произошло, что он профессиональный спортсмен и

наверняка не раз оказывался в сложных ситуациях. Только от этих мыслей становилось ещё хуже. Перед глазами стоял его взгляд — растерянный, удивлённый, направленный прямо на меня. Он услышал мой голос, повернул голову, на долю секунды отвлёкся от соперника… и получил удар.

— Господи… — прошептала я, прижимая ладони к щекам. — Зачем я закричала? Ну зачем?!

Ведь можно было промолчать. Но нет! Вместо этого я вскочила с места и выкрикнула его имя на весь зал, даже не подумав, что мой голос может стоить ему победы. Роман ведь не знал, кто я такая, не понимал, почему какая-то незнакомая девушка зовёт его. Он просто повернулся на звук, а Танк воспользовался этим мгновением.

От одной мысли, что из-за меня человеческая жизнь, его карьера и все его годы упорных тренировок могли рухнуть в один миг, дыхание срывалось, а в груди нарастала паническая буря. Несколько секунд… всего несколько секунд… и всё могло сложиться иначе. Зверев был сильнее, я видела это собственными глазами. Он двигался быстрее, точнее, не оставлял сопернику ни малейшего шанса. Казалось, победа уже у него в руках, но я вмешалась, сама того не желая, и теперь не могла перестать прокручивать произошедшее.

Он проиграл из-за меня! Вдруг он тяжело травмирован? Вдруг я сломала ему карьеру?

Эта мысль казалась невыносимой, и я старалась от неё отмахнуться, но она возвращалась снова и снова, вгрызаясь в

сознание острыми когтями.

Может, он бы всё равно не успел увернуться? Может, даже если бы я промолчала, всё закончилось точно так же?

Как я ни пыталась найти хоть одно разумное объяснение, которое позволило бы мне перестать чувствовать себя виноватой, ничего не получалось. В моей памяти мелькал один и тот же момент боя.

Включив ноутбук, я надеялась хоть чем-нибудь отвлечься от угнетающего чувства вины. Открыла новости, пролистала несколько заголовков, но взгляд почти сразу зацепился за знакомое имя.

Пальцы похолодели, когда я торопливо открыла публикацию, и на экране появилась фотография с соревнований. Зверев лежал без сознания, вокруг него склонились люди, кто-то пытался привести его в чувство. Чуть поодаль стоял Танк — спокойный, самодовольный, с выражением человека, который уже празднует заслуженную победу.

Трижды я пробежала глазами текст, а потом снова вернулась к началу.

Финальный поединок чемпионата России по боксу завершился серьёзным происшествием. Один из главных претендентов на победу, Роман Зверев, был экстренно доставлен в больницу после нокаута в первом раунде.

По предварительной информации, спортсмен получил тяжёлые травмы головы. В настоящее время состояние Зверева оценивается как тяжёлое. Медики проводят необходи-

мые обследования. О дальнейших прогнозах и сроках восстановления спортсмена пока не сообщается.

Победителем финального поединка стал его соперник, известный под прозвищем Танк.

Мне стало трудно дышать. Откинувшись на спинку кресла, я чувствовала, как к горлу подкатывает комок из слёз и тошноты.

— Это из-за меня… — сорвалось с губ в звенящей тишине комнаты.

Разумеется, никто не ответил.

Глубоко вздохнув несколько раз, я отложила ноутбук, достала телефон и начала судорожно «гуглить» спортивные новости в надежде найти опровержение.

Везде писали примерно одно и то же. Кто-то обсуждал поражение фаворита, кто-то восхищался победой Танка, а в комментариях люди спорили, заслуженно ли тот выиграл.

Меня тошнило от этих обсуждений. Они все словно забыли, что на ринге была не машина, а живой человек, который сейчас лежит в больнице. Он ведь мог получить такие травмы, после которых уже никогда не вернётся к прежней жизни. А виной всему — мой глупый, несдержанный крик.

Наверное, стоило рассказать обо всём Ленке. Она бы посмеялась, сказала, что я преувеличиваю, и в очередной раз объяснила, что нельзя брать на себя ответственность за чужие поступки. Но сейчас даже мысль о разговоре с подругой не приносила облегчения — мне казалось, что я задыхаюсь

в собственном коконе вины.

Вечер тянулся бесконечно долго.

Несколько раз я пыталась лечь спать, но стоило закрыть глаза, как передо мной снова возникал яркий свет софитов и почти безжизненное тело Романа. Всю ночь я вставала, ходила по комнате, проверяла новости и снова возвращалась в кровать, сворачиваясь калачиком под одеялом.

Ничего нового.

Никакой информации о его состоянии. Только фотографии, громкие заголовки и бесконечные рассуждения незнакомых людей, которым было плевать на сломанную судьбу спортсмена. Под утро я всё-таки уснула, но сон получился тревожным и рваным, оставив после себя лишь тяжесть во всём теле.

В субботу из комнаты я почти не выходила, постоянно проверяя телефон и периодически набирая Ленку. Мы попрощались тем вечером, когда она вместе с сестрой уехала от меня домой: посмеялись, обсудили бой, договорились списаться на следующий день, но наутро она не ответила.

Сначала я не придала этому значения. Потом написала ещё раз. Позвонила. Снова отправила сообщение.

Тишина.

К воскресенью я уже начала тревожиться по-настоящему. Ленка никогда не отличалась особой дисциплинированностью в переписках, но настолько надолго пропадать было на неё не похоже.

«Ты где? Всё нормально?»

Сообщение ушло, но ответа так и не последовало.

Несколько раз я открывала наш диалог, проверяла, не появилась ли отметка о прочтении, и каждый раз закрывала телефон с нарастающим чувством тревоги внутри. Странно всё это... Сердце не на месте.

Несмотря на прошедшие события, в понедельник пришлось заставить себя собраться и ехать в институт. Пропускать занятия из-за дурного настроения я не собиралась, ведь папа бы этого не понял, да и дома, среди четырёх стен, я бы просто сошла с ума от собственных мыслей.

Утром я долго стояла перед зеркалом, пытаясь привести себя в порядок. Под глазами залегли глубокие тени, волосы никак не хотели укладываться, а бледное лицо выглядело так, словно я не спала несколько суток. В общем, вид был соответствующий внутреннему состоянию — разбитому и испуганному.

Натянув джинсы, светлую кофту и куртку, я спустилась к машине. Охрана уже ожидала. После выходных мне снова пришлось вернуться к привычному распорядку: водитель, сопровождение, бесконечные взгляды людей, которые следили за каждым моим шагом.

Как же я от всего устала... От этого контроля, от страха, от собственных мыслей.

На учёбе было шумно, как обычно. Студенты толпились в холле, кто-то пил кофе, кто-то торопился на занятия, а воз-

ле лестницы собралась небольшая компания девушек. Сразу отметила про себя, что Ленки там почему-то нет.

Обычно она появлялась раньше меня, а если опаздывала, обязательно присылала десяток сообщений с жалобами на пробки, будильник или собственную лень. Сегодня телефон молчал.

— Эй, блондинка!

Почему-то я машинально обернулась на незнакомый голос и тут же замерла, почувствовав, как внутри всё сжалось от внезапного ледяного предчувствия.

Ко мне направлялся Танк.

Вокруг него, как обычно, крутились несколько девушек. Кто-то улыбался, кто-то пытался привлечь внимание, одна из них даже взяла его под руку, но он, похоже, совершенно не замечал их стараний. Его тяжёлый, цепкий взгляд уставился прямо на меня, и я невольно сделала шаг назад, прижимая сумку к груди, как щит.

На секунду мне страстно захотелось раствориться в толпе, исчезнуть, сделать вид, что я его не слышу. Но нет… Эта массивная фигура уверенно рассекала пространство, направляясь прямо ко мне.

Танк выглядел почти так же, как в субботу: крупный, широкоплечий, с мощными руками, источавшими ощущение грубой, подавляющей силы, и наглой ухмылкой на лице. Тёмная кожа, короткая стрижка, тяжёлый волевой подбородок — всё в его облике излучало хищную уверенность. От

одного приближения по спине побежали мурашки, а во рту моментально пересохло.

В нём было слишком много показной доминантности — словно этот парень искренне привык, что окружающие обязаны уступать дорогу, замирать от восхищения и ловить каждое его слово.

А уж девушки... Судя по их количеству поблизости, недостатка в женском внимании он точно не испытывал, но шёл почему-то именно ко мне.

«Зачем я ему понадобилась? Что ему от меня нужно?» — панически пронеслось в голове, пока он сокращал расстояние и одним коротким жестом отогнал поклонниц на несколько метров.

— Привет, красавица, — произнёс боец низким, бархатистым голосом, остановившись в опасной близости. От него пахло дорогим парфюмом вперемешку с резким запахом адреналина и кожи.

Я вжалась плечи, чувствуя себя абсолютной жертвой перед этим огромным хищником, и выдавила из себя:

— Здравствуйте...

Его тонкие губы растянулись в ещё более развязной, хищной ухмылке.

— Ого. Какая вежливая. Прямо пай-девочка.

Я ничего не ответила. Во-первых, от страха язык едва ворочался; во-вторых, от одного его вида мутило. Всего два дня назад этот человек жестоко покалечил соперника, а те-

перь стоял здесь и улыбался так, будто не произошло абсолютно ничего.

— Не узнала меня? — продолжил он, наклоняясь чуть ближе и заставляя инстинктивно отступить ещё на шаг.

— Узнала, — голос прозвучал тихо, почти жалобно, хотя изнутри всё сжималось.

— И как? Понравилось шоу в субботу?

От этого напоминания буквально передёрнуло. Внутри всё заныло от воспоминаний о проклятом вечере.

— Не особенно, — процедила сквозь зубы, чувствуя, как к горлу подступает тяжёлый ком.

Танк самодовольно усмехнулся, явно смакуя чужой дискомфорт.

— Да ладно тебе. А я думал, что ты специально пришла посмотреть на меня, поболеть.

— С чего вы взяли? — возмущение на секунду пересилило сковывающий ужас.

— Видел тебя возле ринга. Ты там так тряслась и переживала, что я подумал, будто у меня появилась новая симпатичная поклонница.

Он видел?! От этой догадки по телу прокатилась новая волна крупной дрожи.

— Вы ошиблись, — попыталась сказать максимально холодно, хотя напряжённый голос выдавал с головой.

— Да ну? — собеседник сделал ещё один шаг вперёд, лишая последних путей к отступлению: сзади упёрлась холод-

ная колонна.

— Мне показалось, ты очень внимательно следила за боем. Глаз не сводила.

— Я просто смотрела соревнования, — выдавила я из себя, стараясь избегать его тяжёлого, оценивающего взгляда.

— Мой бой, — поправил он с неприятным, металлическим оттенком превосходства в голосе.

— Не только ваш.

— Так ты на этого неудачника пришла посмотреть, что ли? — в его тоне отчётливо промелькнуло открытое презрение.

Смысл сказанного дошёл не сразу, а когда долетел до сознания, внутри всё закипело от жгучей ярости.

— Что вы сказали?!

— Ты расстроилась, что я победил, а твой сладенький красавчик Зверев отправился в больничку?

В груди оборвалось и больно кольнуло. Назвать Романа неудачником, особенно сейчас, когда тот лежит в тяжёлом состоянии... В голове просто не укладывалось, насколько циничным может быть стоящий напротив человек.

— Не говорите так о нём! — вспыхнула я, заставив мозг на секунду забыть о собственном страхе.

— А что такого? — он пожал плечами, ни капли не смутившись.

— Проиграл парень. Бывает. Ринг ошибок не прощает.

— Он получил серьёзные травмы! Из-за вас... то есть, он

в больнице!

— Зато я выиграл чемпионский титул, — Танк произнёс это с таким удовлетворением, будто именно подобного ответа от меня и ждали. — Все лавры мои. А Зверев... ну, пусть поправляется, если сможет.

Стало противно. Не просто неприятно, а по-настоящему физически тошно находиться рядом с этим монстром. Внезапно пришло очень ясное понимание: ему абсолютно плевать, что человек находится на грани жизни и смерти. Для него всё закончилось победой, деньгами и славой, и больше в его мире не существовало ничего.

— Мне нужно идти, — бросила в ответ, отводя взгляд и пытаясь обойти массивную фигуру справа.Но он мгновенно сместился, нагло перекрывая дорогу широким плечом.

— Куда спешишь, малышка? Мы же только начали разговор.

— На занятия. Лекция скоро начнётся.

— Успеешь. Учёба никуда не убежит.

— Пропустите, пожалуйста, — в голосе уже звучала открытая, отчаянная мольба, смешанная с паникой.

Он посмотрел сверху вниз, и этот взгляд был настолько сальным и оценивающим, что на глаза едва не навернулись слёзы. Мужчина задержал глаза на уровне моей груди дольше, чем следовало, а затем медленно скользнул похотливым взглядом по губам.

— Слушай, а ты всегда такая колючая и серьёзная? — ух-

мыльнулся верзила, явно наслаждаясь чужим испугом.

— Когда ко мне пристают незнакомые мужчины — да.

— Мы уже не незнакомые. Меня, Илья, кстати, зовут. Хотя можешь называть меня просто Танком, я уже привык, — он подмигнул с откровенной развязностью.

— Я прекрасно знаю, как вас зовут, — прошептала тихо, чувствуя, как ладони мгновенно покрываются липким холодным потом.

— А я, между прочим, до сих пор не знаю имени моей очаровательной новой подружки. Некрасиво с твоей стороны, малышка.

В ответ я только крепче сжала ремешок сумки и отвернулась в сторону в тщетной попытке протиснуться мимо стены мышц. Но Танк явно не собирался отступать. Его забавлял мой испуг, ему нравилось упиваться собственной властью.

— Ну не хочешь говорить своё имя — дело твоё, — протянул он вкрадчиво, продолжая раздевать взглядом. — Но это не отменяет того, что у меня есть очень заманчивое предложение.

— Мне неинтересно.

— Да ты даже не выслушала! — хмыкнул он. — Сегодня вечером можем куда-нибудь выбраться. Посидим в нормальном месте, выпьем шампусика, расслабимся. Поговорим по душам.

— Спасибо за предложение, но я не пью и никуда с вами не пойду.

Танк слегка приподнял густые брови, явно лишённый привычки получать отпор. Видимо, привык, что девчонки сами вешаются ему на шею.

— Совсем-совсем не подумаешь?

— Мне неинтересно.

— А если скажу, что скучно не будет? Обещаю, тебе понравится.

— Всё равно нет. Пожалуйста, отойдите.

Парень неожиданно усмехнулся каким-то недобрым смешком и коротко оглянулся через моё плечо.

В этот момент я заметила краем глаза, что несколько старшекурсников из его свиты оживлённо и очень «вовремя» переговариваются с моими охранниками. Один из парней демонстративно показывал что-то на экране телефона, отвлекая мужчин, а второй активно жестикулировал, загораживая им обзор.

Они сделали это специально... Специально отвлекли папиных людей!

От этой догадки внутри всё похолодело.

— Ты чего такая недоверчивая, м? — вернул моё внимание Танк, наклоняясь ко мне ещё ближе. — Я же не предлагаю тебе замуж за меня выходить. Всего лишь вечер в хорошей компании.

— Очень жаль, что вы вообще решили со мной заговорить, — выпалила я, дрожа от нахлынувшей злости и паники.

Его наглая ухмылка на мгновение померкла, в глазах мелькнула опасная искра раздражения.

— Острая на язык. Мне такие нравятся. С ними интереснее бороться.

— А вы мне — не нравитесь. Совсем.

— Ничего страшного. Это дело поправимое, — процедил боец сквозь зубы, и от этого тона у меня спина покрылась испариной.

Внутри всё сжалось в тугой, болезненный комок. Попытка сделать ещё один шаг назад закончилась тем, что спина опять упёрлась в холодную стену. Танк тут же воспользовался моментом, подавшись вперёд и буквально нависнув сверху. Между нами почти не осталось воздуха. Тяжёлый дорогой парфюм смешался с запахом моего страха и резкой мужской туалетной воды, от которой у меня едва не закружилась голова.

— Послушай меня, малышка, — прошептал он вкрадчиво, обжигая горячим дыханием мою щеку. Его голос стал тихим, но в нём звучала такая железобетонная уверенность, что кровь застыла в венах. — Не нужно ломаться и строить из себя недоступную. Тебе нормальный отдых предлагают. Без твоих надзирателей в костюмах, без папочкиных сторожевых псов. Просто ты и я. Понимаешь?

Перестав дышать, я замерла.

— Я никуда с вами не пойду!

— А если я сам за тобой заеду? Лично.

— Не надо...

— Адресок свой продиктуешь? — в его глазах блеснул хищный азарт маньяка.

— Нет!

Илья тихо, утробно засмеялся, словно мои испуганные отказы были для него лучшей прелюдией.

— Да ладно тебе дрожать. Неужели я настолько страшный?

Взгляд снизу вверх сквозь пелену подступивших слёз дал чёткий ответ: да. Этот парень действительно пугал.

Не просто пугал, а внушал первобытный, дикий ужас. При этом дело было даже не во внешней массе или тяжёлом взгляде матёрого бойца. Пугало другое: он оставался абсолютно глух к любым словам и мольбам. Звучало отчаянное «нет», а в ответ продолжала скользить ухмылка, превращающая личные границы в забавную игру в кошки-мышки. В его системе координат возражения просто не существовали.

— Я... я сейчас позову охрану! — сорвался с губ дрожащий, испуганный писк, хотя внутри теплилась надежда зазвучать громче.

— Погоди, не спеши. Я ещё не закончил с тобой, — рука внезапно легла на стену прямо возле лица, отрезая последний путь к отступлению.

— А я закончила! — внутри неожиданно взорвалась вспышка злости, позволившая собрать по крошкам остатки смелости.

Резкая попытка нырнуть под его рукой провалилась: он перехватил запястье цепко и крепко — не больно, но абсолютно без шансов на побег. Притянув меня к самому уху, Танк прошептал так тихо и жутко, что по позвоночнику побежали ледяные мурашки:

— Ты всё равно будешь моей, Лейла. Запомни это.

Его голос прозвучал обманчиво ласково, но от этой фразы мне стало физически душно.

— Что... что вы сказали?! — выдохнула я, судорожно дёргая руку.

— Ты прекрасно всё слышала, красавица, — он отпустил моё запястье, отступая на шаг с самодовольной улыбкой хищника, который загнал добычу в угол.

Выглянув из-за его широкого плеча, я, наконец, увидела своего охранника. Заметив, что я зажата у стены, мужчина резко оттолкнул студентов и быстрыми, широкими шагами двинулся в нашу сторону, на ходу расстёгивая пиджак.

— Лейла Рафаэльевна! Всё в порядке? — громко бросил он на ходу, прожигая Танка тяжёлым, профессиональным взглядом.

Безумное, всеобъемлющее облегчение окатило с такой силой, что едва не пришлось осесть прямо на пол. Ноги дрожали так сильно, что едва держали.

— Да! — быстрый, срывающийся голос полетел к охраннику, не отпуская испуганного взгляда от Ильи. — Да, всё в порядке, пойдёмте скорее отсюда!

Охранник грозно перевёл взгляд на Танка, преграждая тому путь массивным телом.

— Вы создаете проблемы для молодой леди?

— Какие проблемы? — Танк широко, демонстративно улыбнулся, поднимая руки в примирительном жесте, но в глазах по-прежнему плескалась холодная насмешка. — Мы просто мило беседовали. Знакомились с девушкой. Ничего такого, начальник.

— Лейла, пойдёмте, — охранник взял под локоть, надёжно уводя прочь от пережитого кошмара.

Первый раз за последние годы было плевать на правила приличия, на гордость и на то, как это выглядит со стороны. Вцепившись намертво в локоть подоспевшего мужчины, я поспешила к аудитории, но, сделав несколько шагов по направлению к лестнице, всё же не удержалась. Любопытство и страх заставили чуть-чуть повернуть голову назад — убедиться, что он не идет следом.

Танк по-прежнему стоял на прежнем месте, глубоко засунув руки в карманы спортивных брюк. Но на лице больше не было той дурацкой, самоуверенной улыбки. Сейчас массивные черты исказилось в совершенно другой гримасе — в ней читалась такая лютая, звериная злость и презрение, что сделалось жутко даже на расстоянии.

Парни из его свиты — те самые, что отвлекали охрану, — подошли к нему и тоже смотрели в нашу сторону с гадкими усмешками. Значит, это действительно была сплани-

рованная ловушка.

Откуда он знал, как меня зовут?!

Отвернувшись, я отпустила охранника и резко ускорила шаг, почти переходя на бег. Только оказавшись в безопасности пустой аудитории, поняла, что всё это время сжимала собственный телефон так сильно, что суставы на пальцах побелели до синевы.

Ленка по-прежнему не отвечала на звонки. А в ушах набатом звучал его шёпот:

Ты всё равно будешь моей.

Судорожные попытки убедить себя, будто это всего лишь дешёвые понты зарвавшегося качка, привыкшего брать всё силой и нахрапом, почти не помогали. Наверняка он просто решил поиграть на нервах, а когда поймёт, что стена непробиваема, отстанет.

Только почему-то от этих мыслей не становилось легче. Впервые за долгое время я была до слёз, до дрожи в коленках рада, что за каждым моим шагом следят папины охранники. И всё же колючее предчувствие беды сжимало сердце тисками, отказываясь отпускать.

Глава 9

Лейла

Мне снилось, что я снова стою возле ринга.

Только на этот раз вокруг не было зрителей, судей и слепящих вспышек камер. Пустые трибуны терялись в давящем полумраке, а над самой ареной висела одна-единственная тусклая лампа, выхватывая из темноты белые канаты и неподвижную фигуру в центре.

Танк.

Боксёр стоял, опустив руки, и смотрел прямо на меня. На губах застыла та самая знакомая, издевательская усмешка, от которой хотелось сжаться и исчезнуть, но взгляд намертво приковало к нему. За спиной мужчины неясно маячили тени. Те самые парни, что шумно хлопали его по плечам после победы, и ещё двое из института. Теперь они молча переговаривались, переглядывались и тихо смеялись — так, будто я была не живым человеком, а дешёвым представлением, устроенным специально ради их развлечения.

— Гляньте-ка, кто пришёл, — протянул Танк. — Наша главная болельщица.

Парни загоготали.

— А ты чего такая кислая, красавица? — продолжил он, не спеша приближаться. — Не того выбрала, да? Ошиблась с фаворитом?

— Оставь меня в покое...

— Слышали? Она мне условия ставит!

Смех стал громче. Танк поднялся на канаты, легко перемахнул через них и спрыгнул на пол. Массивная фигура медленно сокращала расстояние, а спина уже упёрлась в жёсткое ограждение. В мозгу пронеслось пугающее ощущение дежавю: всё повторялось точь-в-точь как в институте, только охранников нигде не было видно.

— Зря ты тогда за Зверева болела, Лейла. Парень неплохой был, спору нет. Только посмотри, чем всё закончилось. Один мой удар, и вся его чемпионская карьера полетела к чёрту.

— Вы его покалечили…

— В спорте, детка, всякое случается. Не надо так драматизировать.

Он улыбнулся, и от этой улыбки по коже пробежал неприятный холодок.

— Зато у тебя теперь есть возможность убедиться, кто из нас действительно чего стоит. В следующий раз, когда будешь смотреть на меня, не придётся гадать, за кого болеть.

— Я не хочу вас видеть.

— А кто тебя спрашивает?

Танк остановился вплотную. Воздух вокруг него наполнился странной смесью дорогого парфюма и терпкого фантома алкоголя. Из-за его плеча было видно, как один из приятелей достал телефон, нацелив объектив прямо на лицо.

— Улыбнись, — посоветовал он. — Такая красивая девочка, а выражение лица, будто её родители в магазине забыли.

— Уберите телефон!

— Ой, какие мы гордые, — протянул Танк. — Папочка, наверное, привык, что вокруг тебя все на задних лапках ходят? Только здесь его нет... как и твоей охраны. Так что не надо думать, будто фамилия Каримова открывает все двери.

Рука мужчины протянулась вперёд, грубо перехватив меня за подбородок. В этом прикосновении сквозило столько бесцеремонного права распоряжаться чужой волей, что тело непроизвольно затряслось от бессилия.

— Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю.

Попытавшись отстраниться, я неожиданно оступилась, подвернув ногу, и буквально упала в объятия этого ненавистного человека.

— Вот так-то лучше. А то строишь из себя недотрогу, будто мы не знаем, как такие девочки развлекаются.

— Не трогайте меня!

Снова взрыв гогота за спиной. Один из приятелей шагнул вбок, наглухо перекрывая единственный путь к отступлению, второй продолжал назойливо снимать. Отчаянный взгляд скользнул по сторонам в надежде выцепить хоть какую-то живую душу, но вокруг простиралась лишь глухая, мёртвая пустота.

— Да ладно тебе. Не надо ломаться. Мы же ещё даже тол-

ком не познакомились.

— Отпусти меня! — крик сорвался на визг, полный чистого отчаяния.

Танк склонился к самому уху, обжигая колющим шёпотом:

— Тише, малышка. Не устраивай сцен. Тебе ведь не понравится, если завтра все узнают, как ты провела вечер.

От ужаса перехватило дыхание. Резкий рывок в сторону, но вместо спасения последовал лишь очередной издевательский смешок.

— Да не бойся ты так. Я же говорил: у тебя ещё будет шанс убедиться, что ты тогда выбрала не того.

За его широкой спиной неожиданно возникла неподвижная фигура Романа. Залитое кровью лицо, опухшие губы, застывший стеклянный взгляд...

Мгновенный порыв сорваться с места оборвался железной хваткой на запястье.

— Куда собралась? — усмехнулся мучитель. — Этот тебе уже не поможет.

— Роман! Помогите!..

Голос окончательно сорвался на хрип, а в следующее мгновение реальность треснула и рассыпалась в темноту.

Пробуждение оказалось резким, судорожным — тело качнулось на постели, рот жадно втягивал воздух, будто после долгого погружения в ледяную воду. Сердце колотилось по всему телу, ладони были влажными, а на губах ещё дрожало

имя человека, которому я, скорее всего, испортила карьеру, а, может быть, и жизнь.

Несколько долгих секунд ушло на то, чтобы возвратиться в рассудок. Родная спальня. Знакомые тени от привычной мебели. Тонкая полоска утреннего света, пробивающаяся сквозь плотные складки штор. Никаких пустых трибун, никаких чужих лап, никакого Танка.

Просто кошмар. Всего лишь глупый, тревожный сон. Только какой-то слишком настоящий что ли...

Сев на кровати, я обхватила ноги руками и попыталась выровнять дыхание. Перед глазами всё ещё стояла самодовольная ухмылка спортсмена, а в ушах отдавался его издевательский голос. Вчерашний разговор, который стоило бы давно выбросить из головы, теперь казался ещё более омерзительным. Тогда удалось отделаться благодаря вмешательству охраны, но сама мысль о том, что эта встреча была подстроена, а её участники спланировали свои действия, не давала покоя.

Нужно держаться от него подальше... Как можно дальше.

Телефон на прикроватной тумбочке коротко завибрировал, заставив вздрагивать от каждого звука. На экране высветилось имя подруги.

Ленка не выходила на связь несколько дней, и за это время в голове успели промелькнуть десятки тревожных объяснений её молчанию. Впрочем, стоило увидеть заветное имя, как все посторонние мысли мгновенно отступили на второй

план.

— Наконец-то! — выдохнула я, принимая вызов. — Лен, где тебя носит? Я извелась вся, сколько сообщений набросала!

— Привет, — тихо отозвалась подруга.

Голос звучал непривычно глухо, будто она говорила из дальней комнаты, хотя связь работала безупречно.

— Ты заболела? — спросила я после короткой паузы, чувствуя, как внутри зашевелилось нехорошее предчувствие. — Что с тобой?

— Да нет. Просто устала.

— Устала настолько, что не могла даже строчку чиркнуть в ответ?

— Лейл, ну не начинай, пожалуйста. Голова раскалывается, спать хочется до одури. Последние дни вообще будто в тумане — температуры вроде нет, а состояние такое, словно меня катком переехали.

Подруга умолкла, а я замерла, кусая губы. Ленка от природы не умела молчать. Даже в самые паршивые дни её болтовня лилась потоком, заставляя меня изредка вставлять слова просто для того, чтобы она перевела дыхание. Сейчас же каждое слово давалось ей с заметным усилием, словно отнимало последние крохи сил.

— Ты к врачу обращалась?

— Ой, брось. Само пройдёт. Выпью лекарство, отлежусь — и как новенькая.

— Лен, дикая головная боль и слабость — это не то, над чем стоит хихикать.

— Господи, Лейла, не будь моей второй мамой, — она попыталась выдавить смешок, но он оборвался на полуслове, звуча фальшиво и безжизненно.

— Ладно, молчу. Просто места себе не находила, из-за твоей пропажи.

— Знаю. Прости.

Повисло тягостное молчание. Попытка продолжить расспросы оборвалась на полуслове, потому что тон Ленки вдруг неуловимо, резко изменился. От прежней вялости не осталось и следа, голос зазвучал звонко и возбуждённо:

— Слушай, у меня для тебя новость.

— Какая?

— Я в субботу с Танком столкнулась.

Имя, произнесённое с такой лёгкой, заворожённой интонацией, ударило под рёбра. Внутри всё мгновенно похолодело.

— Случайно вышло, — затараторила подруга. — Мы с девчонками гуляли, заглянули в одно местечко, а он там. Ты представляешь? Мы наконец-то нормально познакомились!

Перед глазами мгновенно вспыхнула вчерашняя сцена в коридоре: наглые глаза Танка, его сальный взгляд, пальцы на моём запястье и тихое, ядовитое обещание:

Ты всё равно будешь моей...

Пальцы сами собой впились в край одеяла. Как сказать

ей правду? Как объяснить, что этот «потрясающий» парень — настоящий монстр, который караулит меня в коридорах и угрожает? Но Ленка звучала так искренне... Разрушать её хрупкую радость и делать только хуже мне вовсе не хотелось.

— И как? — выдавила я из себя, стараясь спрятать дрожь в голосе.

— Что как?

— Ну… как впечатления?

— Он невероятный, Лейла! — в её голосе прорезались живые эмоции. — Совсем не такой, каким его рисуют. Уверенный, заботливый, с ним безумно легко. Мы проболтали весь вечер, а потом ещё переписывались!

До боли закусив губу, я лихорадочно пыталась сопоставить факты. Могло ли это быть совпадением? Или он подобрался к Ленке специально, зная о нашей дружбе? От этой догадки по спине побежали мурашки, но вслух я произнесла совсем другое:

— Я рада за тебя. Правда.

— Точно?

— Конечно.

— Раз так, ты просто обязана мне помочь.

Внутренняя настороженность тут же подскочила на максимум, чувствуя, как невидимая петля затягивается туже:

— С чем?

— В пятницу будет крутая вечеринка в одном клубе. Илья тоже там будет.

— Илья?

— Танк, — счастливо пояснила подруга. — Он лично меня пригласил. Сказал, что безумно хочет увидеться.

— Лен, ты в своём уме? Ты сама говорила, что еле держишься на ногах, голова раскалывается, спать хочешь постоянно. Какая вечеринка?

— До пятницы целая вечность. Отосплюсь, приду в себя.

— Может, лучше встретиться с ним в спокойной обстановке? Днём, в кафе?

— Лейла! — в трубке послышалось раздражение. — Ты можешь хоть раз не включать зануду и не искать подвох?

Тяжёлый вздох сорвался с плеч, помогая сдерживать нарастающую панику:

— Я не ищу подвох. Просто переживаю за тебя.

— Тогда пойдём вместе. Одной мне будет неловко, а с тобой совсем другое дело.

— Лен, ты же прекрасно знаешь правила. Меня никуда не отпустят. Охрана, камеры, отец...

— А мы не будем их спрашивать.

По безапелляционному тону подруги стало ясно, что она уже всё решила за нас обеих. Я невольно криво усмехнулась

— И как ты себе это представляешь в реальности?

— Элементарно. Слушай сюда. Родители улетели, дома шаром покати. Приезжай ко мне с ночёвкой, как бывало тысячу раз. Скажем твоим охранникам, что мы устраиваем девичник дома. Они всё равно будут дежурить под окнами.

— Лен, ты с ума сошла...

— Лейла, послушай же! Дом небольшой, с тыльной стороны слепые зоны, камера у нас только у входа. Мы тихонько выскользнем, поймаем такси и через полчаса будем на месте. Никто ничего даже не сопоставит. А под утро вернёмся, будто всю ночь проболтали в комнате.

— Ты говоришь об этом так легко, будто мы в магазин за углом идём. А если нас засекут? Отец же голову оторвёт. И мне, и охране.

— Никто нас не засечёт, перестань параноить.

— Откуда такая уверенность? Ты же не знаешь...

— Господи, Лейла, сколько можно дрожать от каждого шороха и жить за высоким забором? Тебе двадцать лет, а ты шагу ступить не можешь без отчёта! Неужели самой не тошно от этой золотой клетки?

Я отвернулась к окну. Конечно, надоело. Иногда казалось, что моя жизнь расписана чужими людьми до последней минуты: куда ехать, с кем встречаться, сколько времени проводить вне дома. Отец называл это заботой, охрана — работой, а я всё чаще чувствовала себя пленницей в красивой золотой клетке.

И всё же предложение Ленки не вызывало прежнего восторга. После встречи с Танком мысль о вечеринке казалась не приключением, а опасностью, которую я почему-то должна была добровольно выбрать.

— Я не хочу идти в этот клуб, — призналась, наконец. —

Тем более если там будет он.

— Почему?

— Просто не нравится он мне.

— Ты его даже не знаешь!

— Мне хватило того, что я видела.

— Он со мной совсем другой.

— Лен, я не хочу ссориться, но, пожалуйста, будь осторожна. Такие, как Танк, не привыкли слышать отказ. Он слишком высокого о себе мнения.

— Ты говоришь так, будто он какой-то преступник.

— Я говорю, что мне с ним не по себе.

— А мне он нравится, — упрямо произнесла подруга. — Очень давно нравится. Ты же знаешь, сколько я о нём мечтала. Сколько раз мы обсуждали его, сколько раз я говорила, что хотела бы хотя бы познакомиться. И вот наконец всё получилось. Он сам обратил на меня внимание, сам пригласил. Неужели ты не можешь просто порадоваться?

Голос подруги дрогнул, и вскоре я услышала тихий всхлип.

— Лен, ты плачешь?

— Нет…

— Не ври мне.

— Просто… — Она всхлипнула снова. — Мне так хочется, чтобы хоть один раз всё получилось. Чтобы я не была той девочкой, которая только смотрит издалека и мечтает. Он позвал меня, Лейла. Меня! А я боюсь идти одна. Пожа-

луйста, побудь со мной. Мне правда очень нужна твоя поддержка.

В груди неприятно сжалось. Отказать подруге, когда она просила так отчаянно, оказалось гораздо сложнее, чем я рассчитывала. Мы дружили уже второй год, вместе придумывали безумные планы, вытаскивали друг друга из неприятностей. Ленка никогда не просила меня о чём-то настолько важном для неё.

— Хорошо, — тихо сказала я.

— Правда?!

— Пойду с тобой. Только при одном условии: если мне что-то не понравится, мы сразу уедем. Без уговоров и обид.

— Конечно! Обещаю!

Её голос мгновенно оживился, словно несколько минут назад она и не плакала вовсе.

— Тогда подбирай шмотки и косметику. Не забудь взять что-нибудь красивое!

— Ленка…

— Что?

— Пожалуйста, не задерживайся с отдыхом. Если голова продолжит болеть, обязательно скажи родителям и сходи к врачу.

— Хорошо, мамочка. Всё, целую! До пятницы!

Звонок оборвался, прежде чем я успела ответить.

Некоторое время я сидела с телефоном в руке, глядя на погасший экран. Вроде бы всё было решено, подруга радова-

лась, впереди маячил вечер, который должен был стать обычным девичьим приключением. Однако тревога не отпускала. Слишком уж странно вела себя Ленка, слишком быстро менялось её настроение, а жалобы на головную боль и сонливость никак не укладывались в образ той шумной, неугомонной девчонки, которую я знала.

Впрочем, я решила не накручивать себя раньше времени. Возможно, она действительно просто устала, или знакомство с Танком вскружило ей голову, и теперь все остальные вещи казались незначительными.

К вечеру пятницы я собрала небольшую сумку, предупредила домашних, что останусь у подруги, и приготовилась к очередному маленькому побегу из-под родительского надзора.

Дом Ленки встретил нас тишиной.

Её родители с сестрой действительно уехали за границу, и теперь просторные комнаты, обычно наполненные голосами родных, казались непривычно пустыми. Охрана осталась во дворе, возле машины, как и было задумано. Я успела заметить их через окно, прежде чем Ленка увела меня в свою комнату.

— Видишь? Всё под контролем, — шепнула она, отодвигая штору. — Они даже не подозревают, что мы собираемся сбежать.

— Не говори так громко.

— Да они нас не слышат. Расслабься.

Ленка говорила заметно лучше, чем во время нашего разговора по телефону: немного оживилась, улыбалась, суетилась возле шкафа, перебирая одежду. Только движения её порой становились странно медленными, а когда она наклонялась за очередной вещью, то на мгновение замирала, прикрывая глаза.

— Опять голова? — спросила я.

— Немного. Всё нормально.

— Может, всё-таки останемся дома?

— Даже не думай! Я уже настроилась.

Она достала платье, приложила к себе, посмотрелась в зеркало и повернулась ко мне.

— Ну как?

— Красивое.

— Вот и отлично. А теперь выбирай себе что-нибудь. Сегодня мы должны выглядеть так, чтобы нас запомнили.

— Надеюсь, не настолько, чтобы завтра нас искали по всему городу.

— Не каркай!

Ленка звонко рассмеялась и скрылась за дверью ванной. Оставшись в пустой комнате, тело само опустилось на край кровати, а взгляд машинально скользнул по вещам, разложенным на покрывале. Предстоящая поездка в клуб — обитель местной золотой молодёжи с её рядами дорогих спорткаров у входа, кричащими дизайнерскими нарядами, рекой льющегося шампанского и бесконечной показухой — не вы-

зывала ни капли трепета. Подобные места никогда не привлекали, а перспектива крутиться среди зажравшихся детей миллионеров и вовсе отталкивала. Внутренний мир слишком сильно расходился с той фальшивой реальностью, к которой привыкли обитатели шумных тусовок. А уж ночные клубы без родительского контроля и масок приличия казались эпицентром ненужного риска. Слишком много грязных скандалов и поучительных историй прозвучало в отцовском доме о детях его партнёров, чтобы в голове сформировалась чёткая уверенность: ночные вылазки, какими бы заманчивыми ни казались в порыве бунта, вряд ли стоили той цены, которую за них приходилось платить.

Если и хотелось где-то «потусить» без назойливой охраны, то речь шла совсем о другом. Тихие закрытые вечеринки в узком кругу друзей, ночные побеги с парнем в полупустые кинотеатры, уютные посиделки в ресторанах с подругами или тихие загородные виллы. Но точно не те душные притоны, где алкоголь льётся рекой, а наутро никто толком не помнит, с кем и в каких кабинках туалетов отрывался накануне.

Да уж... Несмотря на домашнее заточение, в подробностях подобных гулянок недостатка не было. Спасибо Ленке, которая с завидной регулярностью снабжала отчётами о том, кто, когда и с кем умудрился переспать в очередном модном клубе.

Когда мы закончили собираться, за окном уже стемнело.

Ленка выглядела довольной и возбуждённой, а я всё ещё не могла отделаться от ощущения, что совершаю ошибку. Подруга проверила телефон, поправила волосы и кивнула в сторону коридора.

— Пойдём.

Мы вышли из комнаты и направились к чёрному ходу. Ленка двигалась уверенно, словно проделывала это каждый день. Я же постоянно оглядывалась, прислушиваясь к каждому шороху. В доме было тихо, только где-то за стеной мерно гудел кондиционер.

У самой двери подруга остановилась и приложила палец к губам.

— Тише.

Она осторожно нажала на ручку, приоткрыла дверь и выглянула наружу. Небольшая площадка за домом была пуста. Свет фонаря сюда почти не доставал, а кусты вдоль дорожки скрывали нас от окон.

— Давай, — прошептала Ленка.

Мы выскользнули на улицу, прикрыли дверь и быстро направились к калитке. За оградой уже ждало такси, которое подруга предусмотрительно вызвала заранее. Лишь когда машина тронулась с места, я позволила себе выдохнуть.

— Ну вот, — торжествующе произнесла Ленка. — А ты боялась.

— Я и сейчас боюсь.

— Перестань. Сегодня всё будет замечательно.

Подруга улыбалась, но глаза казались непривычно уставшими. Она откинулась на спинку сиденья и прикрыла веки.

— Лен, ты точно хорошо себя чувствуешь?

— Да. Просто немного посплю, ладно?

Не дожидаясь ответа, она отвернулась к окну. Через несколько минут её дыхание стало ровным, а голова склонилась набок.

Достала телефон, я проверила сообщения и снова убрала его в сумочку. Впереди нас ждала вечеринка, на которую я совершенно не хотела идти, но отступать теперь было поздно. Оставалось надеяться, что Ленка права и всё действительно закончится обычным весёлым вечером.

Такси остановилось возле клуба. У дверей толпились нарядные девушки и парни, рядом выстроились дорогие автомобили. Из открывающихся дверей вырывались басы, смешиваясь с гулом голосов и смехом.

Ленка мгновенно проснулась, поправила волосы и посмотрела на меня с такой сияющей улыбкой, будто вся её усталость осталась где-то в машине.

— Ну что, готова?

Задержав взгляд на входе, я почему-то вспомнила сон, лицо Танка и его тихий, насмешливый голос. Внутри всё сжалось, но подруга уже взяла меня под руку и потянула из машины к дверям клуба.

— Пойдём, Лейла. Нас ждут.

Глухой бас музыки ударил в грудь, а неоновый свет реза-

нул по глазам. Защищённый мир охранников и отцовских запретов остался далеко. А впереди, в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.